

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАЯ 1883

26 Апрѣля въ 10 часовъ вечера умерла и 29 похоронена въ Женевѣ СОФІЯ ИЛЛАРИОНОВНА БАРДИНА, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ прибывшая въ Женеву изъ Сибири, куда она была отправлена на каторгу по приговору особаго присутствія сената въ мартѣ 1877 г. Поводомъ къ обвиненію была ея пропаганда социальной реформы въ средѣ рабочихъ въ Москвѣ. Во время процесса своего С. И. Бардина произнесла рѣчь съ изложеніемъ своихъ убѣжденій, за которыя, какъ равно и за всю ея дѣятельность, она ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, кромѣ Россіи, не была бы даже привлечена къ суду. Какъ личность, покойная была крайне симпатична скромнымъ достоинствомъ, образованіемъ и любовью къ труду. Не сомнѣваемся, что ближайшіе друзья покойной познакомятъ общество съ подробностями ея біографіи. Нѣкоторые даныя, относящіеся сюда, напечатаны, вмѣстѣ съ рѣчью Бардиной, въ брошюрѣ: «Дѣтубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины московскаго процесса социалистовъ». Изданіе Громады, 1877 г. Рѣчь эта помѣщена также и въ V т. «Впередъ».

ЖЕНЕВА, 1 мая 1883.

Напечатанное въ прошломъ №-рѣ нашей газеты письмо къ А. И. Герцену Юрія Самарина (1858 г.) вмѣстѣ съ помѣщенными въ настоящемъ №-рѣ письмами къ тому же лицу И. С. Аксакова (1857—1861 гг.) представляютъ, смѣемъ думать, очень любопытные документы для исторіи т. наз. московско-славянофильскаго направленія. Это же направленіе имѣетъ и до сихъ поръ большое значеніе въ Россіи, хотя не столько по своимъ литературнымъ силамъ (очень упавшимъ въ послѣдніе годы) и по ихъ вліянію на сознательную часть общества, сколько по тому, что направленіе это есть пока единственная въ Россіи литературная партія, имѣющая своихъ непосредственныхъ представителей въ свѣтѣ, въ т. наз. правящихъ классахъ. Вотъ почему людямъ противныхъ м. славянофильству направленій приходится говорить о немъ чаще и больше, чѣмъ это слѣдовало бы съ точки зрѣнія чисто литературныхъ отношеній. Еще годъ тому назадъ — московское славянофильство было вполне официознымъ направленіемъ, — и кто поручится, что оно не станетъ такимъ вновь? Да и теперь, не смотря на нѣкоторый разладъ м. славянофиловъ съ правительствомъ гр. Толстого, все таки это славянофильство не противоположно ему до такой степени, какъ противоположны ему оба отѣнка либеральнаго направленія: народническое и конституціонное, съ которыми обоими органъ моск. славянофильства ведетъ открытую, по его мнѣнію, смѣлую (!) войну, тогда какъ для заявленія несогласій съ правительствомъ органъ этотъ находитъ только темныя намеки, — говоря терминомъ Ю. Самарина и г. И. Аксакова, — выхолощенного слова, — на этотъ разъ уже добровольно выхолощенного!

И однако-же, напечатанные нами письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова свидѣтельствуютъ, что у моск. славянофиловъ былъ свой либеральный періодъ, — такъ таки прямо либеральный, не говоря уже о томъ, что эти славянофилы и теперь не отказываются отъ званія друзей свободы, только-де понимаемой иначе, чѣмъ т. наз. либералами, которые-де собственно не друзья свободы, а исчадіе,

если не братья бюрократіи. Письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова соотвѣтствуютъ maximum'у либерализма московскаго кружка, — либерализма и въ томъ смыслѣ, какой имѣло въ Россіи это слово въ 1857—61 гг., т. е. демократизма, и въ общемъ политическомъ смыслѣ, въ какомъ оно преимущественно употребляется въ Россіи теперь. Оба писателя открещиваются не только отъ Николаевщины, но и отъ сочувствія правительству и власти вообще, сворачивая упрекъ въ поклоненіи этой власти отъ себя на своихъ литературныхъ противниковъ, — при чемъ Самаринъ ловкимъ софизмомъ превращаетъ самого Герцена въ старовѣра, подобнаго м. славянофиламъ, какъ поклонника Европы не современной ихъ перепискѣ, т. е. бонапартовской, а Европы прежней (1830—1848 г.); либеральной. Г. И. Аксаковъ, говоря другими словами то же самое (см. письмо 1-ое, стр. 5, столб. 1, строк. 11—13), является поклонникомъ Англіи, примѣромъ которой желаетъ поучать свою публику объ отношеніяхъ полиціи къ частнымъ людямъ, о личной свободѣ и т. д.

Какая разница съ г. Аксаковымъ и его единомышленниками послѣднихъ лѣтъ! И однако-же, вчитавшись хорошенько въ письма обоихъ корифеевъ московской школы, увидишь всю естественность перехода ихъ на сторону власти и реакціи. Въ особенности письмо Самарина (письмо болѣе обработанное, нарочито - литературное), при всемъ его либерализмѣ и даже своего рода западничествѣ, доказываетъ полную справедливость сдѣланнаго уже однимъ умнымъ историкомъ русскаго литературно - общественнаго движенія, замѣчанія о томъ, что м. славянофилы, прежде всего въ роисповѣд-ная партія. Для Самарина и дорогаго славянофиламъ община не мыслима безъ религіознаго (конечно, православнаго) начала. (Сравн. письмо его съ указаніями въ статьѣ г. Анненкова „Замѣчательное десятилѣтіе“, „В. Европы“, 1880, Апр., 467, о томъ, какъ м. славянофилы смотрѣли и на русскую общину, какъ на примѣръ сочетанія христіанской идеи съ потребностями матеріальнаго существованія, — и Мартъ, 19—21, 48—49, о византизмѣ Хомякова и его критикѣ социальнаго положенія зап. Европы съ точки

СОДЕРЖАНІЕ.

- 1) Московскіе славянофилы и самодержавіе. —
- 2) Къ Алухтинскимъ безпорядкамъ въ Пулавахъ. (Кіевское изданіе прокламаціи Пулавскихъ студентовъ). —
- 3) Студенческія волненія въ Варшавѣ. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). —
- 4) Изъ бумагъ редакціи «Колокола», VII. Письма И. С. Аксакова къ А. И. Герцену (1857—1861 г.). —
- 5) Самодержавіе и ближайшія задачи его противниковъ (Письмо въ редакцію). Ц. —
- 6) Восемнадцатая лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. З. С. (Окончаніе). —
- 7) Положеніе сельскихъ рабочихъ въ Италіи. (Корреспонд. «Вольнаго Слова»). А. Пистолези. —
- 8) Земская хроника. IV. Административно - политическіе вопросы. О. В. —
- 9) Библиографія: «На Роднѣ» № 3. Л. Б. —
- 10) Извѣстія и замѣтки: Изъ петерб. политич. процесса. — Г. Судейкинъ въ Кіевѣ. — Глушые! — Изъ Przedsłowa № 16. — Отвѣтъ редактора.

зрѣнія византизма же). Прибавивши къ этой вѣроисповѣдности несомнѣнный духъ племеннаго пристрастія, — получимъ такую наклонную площадку, на которой м. славянофилы естественно должны были растерять всѣ свои общія съ либеральными западниками стремленія и вмѣстѣ съ тѣмъ сойтись съ апостолами домашней реакціи, сначала церковной, потомъ правительственной, а дальше, — что случилось уже съ г. И. Аксаковымъ, — и социальной (теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ, проводимая въ „Руси“).

Разсматривая письма двухъ московскихъ славянофиловъ изъ самой лучшей поры ихъ дѣятельности, въ связи со всѣмъ общественнымъ движеніемъ въ русской литературѣ, какъ предшествовавшей этой порѣ эпохи, такъ и непосредственно за нею слѣдовавшей, — видишь всю несостоятельность основъ московско-славянофильской доктрины.

Два представителя этой доктрины — въ моментъ, когда жизнь поставила серьезнѣйшій для страны вопросъ, — относятся благодарно къ дѣятельности представителя противнаго имъ направленія. Что же? перемѣнилъ ли онъ свои исходныя точки, сталъ ли московскимъ византийцемъ? *) Ни мало. Значить, чтобы быть защитникомъ русскаго народа и общины, не было никакой надобности становиться византийцемъ, по московскому образцу. Конечно, московскіе византийцы, исходя изъ своей точки зрѣнія, отчасти послужили объясненію и русской исторіи, и народной жизни, и оказали и практическія услуги послѣдней, по пора бы уже опредѣлить точнѣе размѣры этихъ услугъ. Одно чтеніе, напр., названныхъ записокъ г. Анненкова, а также печатающейся теперь статьи его „Идеалисты 30-хъ годовъ“, показываетъ, что старые западники, въ особенности Герценъ, вовсе не были такими отрицателями русской оригинальности и такими безусловными рабами Запада, особенно современнаго имъ, буржуазнаго Запада, какъ любятъ ихъ рисовать панегиристы московскаго славянофильства. Съ другой стороны, есть много оснований утверждать, что не только критика современнаго Запада, но и самое народолюбіе московскихъ славянофиловъ и „открытие“ ими р. общины (которая, впрочемъ, описана была впервые нѣмцемъ Гакстгаузеномъ) совершилось не безъ вліянія западнаго социализма, проникшаго въ Москву въ началѣ

*) Мы должны оставить въ сторонѣ научный вопросъ о дѣйствительномъ историческомъ значеніи Византизма, котораго во время старыхъ московскихъ кружковъ одинаково не понимали ни западники, ни восточники и который, благодаря цензурѣ свѣтской и духовной, темнѣлъ для р. публики, даже самой образованной, и теперь. Только недавно наука, — конечно, главнымъ образомъ, западная, — стала разъяснять, сколько именно „западнаго“, въ духѣ столь презираемаго Хомяковыми „возрожденія“ (Renaissance), сохранилось въ Византизмѣ и прорывалось нѣсколько разъ послѣ торжества православія въ VI в. (съ закрытіемъ при Юстиніанѣ аѳинской школы, которую историкъ ея, Герцибергъ, называетъ университетомъ), и въ томъ числѣ прорывалось и передъ самымъ завоеваніемъ Византии турками и началомъ „возрожденія“ въ Италіи.

40-хъ годовъ (см. у г. Анненкова же). Это доказывается между прочимъ и тѣмъ желаніемъ зарекомендовать себя передъ Прудономъ, какое видно въ Самаринѣ (см. письма его къ Герцену въ „Руси“, 1883, II, и письмо Прудона къ нему тамъ же), и въ г. Аксаковѣ (дальше, Р. С. письма 2-го), а также тѣмъ удовольствіемъ, съ какимъ писалъ въ 1858 г. г. Аксаковъ Г—ну о томъ, что „студенты-социалисты знаютъ и уважаютъ всѣхъ насъ (славянофиловъ) лично“. Вообще народническія стремленія м. славянофиловъ воплотили аналогичны съ такими же стремленіями западныхъ религіозныхъ социалистовъ, проявившихся еще въ 30-е—40-е года. (Бюше и др.).

Со временемъ эта все таки здоровая, прогрессивная струя, — народничество, — совсѣмъ перешла отъ моск. славянофиловъ на сторону направленія, которое во всякомъ случаѣ пошло отъ т. наз. западничества, а не отъ московскаго византизма: сама община, открытіе и защиту которой вмѣняютъ себѣ въ честь московскіе славянофилы, была поставлена въ русской литературѣ научнымъ образомъ Чернышевскимъ и исслѣдована потомъ болѣею частью его учениками. Къ новымъ, болѣе или менѣе прямо европейскимъ, по школѣ, социалистамъ въ Россіи перешли, вмѣстѣ съ народничествомъ, отчасти даже ненужности руссофилства, начиная съ Герцена, благодаря его гегеліанству, предполагавшему смѣну руководящихъ народовъ въ исторіи, и оканчивая многими современными русскими социалистами-народниками, благодаря слабости ихъ общаго образованія *). Московская же славянофильская школа осталась теперь только при этихъ ненужностяхъ, при узкомъ націонализмѣ, при византизмѣ, — да при поклоненіи самодержавію, какъ оригинальному будто бы національно-русскому учрежденію.

Поклоненіе это видно у г. Аксакова даже въ письмахъ его либеральнѣйшей эпохи. Онъ видитъ всю несостоятельность Александра Николаевича для преобразования Россіи, онъ жаждетъ свободы печати, которая по его мнѣнію, „вынесла бы на своихъ плечахъ истину“, — а все таки ворчитъ на адреса дворянъ, требующіе

*) Въ настоящее время такой человекъ, какъ Герценъ, конечно, не написалъ бы фразы, восхитившей Самарина, что въ Западной Европѣ „такъ и стучишь о предѣла міра завершенаго“, или словъ его въ отвѣтъ „Дню“ г. Аксакова: „Для васъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій, приближающійся къ веси небесной. Для насъ русскій народъ преимущественно социальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремятся всѣ социальные ученія“ (Колоколъ, 15 ноябр. 64 г. „Концы и Начала“). Теперь онъ увидѣлъ бы, что буржуазный періодъ въ Западной Европѣ „завершился“ и что здѣсь теперь всѣми партіями ставится социальный вопросъ, который здѣсь не только никто не думаетъ обойти, какъ думаютъ это русскіе правительственные мудрецы, но который Западной Европѣ никто, ни даже самъ Бисмаркъ, не думаетъ рѣшить безъ, по крайней мѣрѣ, извѣстной доли самостоятельности населенія и самоуправленія общественныхъ группъ, какъ считаютъ это возможнымъ, и которые русскіе философы не только правыхъ, но и лѣвыхъ партій.

самоуправленія. Онъ суевѣрно боится западной „конституціи“, — боится даже послѣ освобожденія крестьянъ, когда уже нечего было опасаться даже того, чтобы конституція не послужила крѣпостникамъ противъ эмансипаціи, — хотя самая плохенькая конституція все таки принесла бы съ собою добрую долю свободы сужденія и печати, между тѣмъ какъ одни цензурные митарства, какъ описываетъ самъ же г. Аксаковъ, должны бы были научить его, что самодержавіе и свобода сужденій и печати несомнѣнны!

Ю. Самаринъ далеко менѣе благодаренъ, чѣмъ г. И. Аксаковъ, и еще лучше его понималъ несостоятельность всего антуража петербургскаго престола для реформы, даже крестьянской. Онъ усмотрѣлъ „начало реакціи“ уже въ 1858 (признаніе поучительное для младшихъ поколѣній, которые не видѣли своими глазами, подобно намъ, что собственно періода прогресса, сколько нибудь, послѣдовательнаго, при Александрѣ II не было). Самаринъ, вѣдь съ кн. Черкасскимъ, близко и на дѣлѣ видѣлъ инструменты самодержавія, — а все таки не переставалъ ему поклоняться. Чрезвычайно интересна и прекрасно дополняетъ 5-е, напечатанное у насъ дальѣ, письмо г. Аксакова, писанное тотчасъ послѣ эмансипаціи крестьянъ, тогдашняя же переписка Самарина и Черкасскаго съ Н. А. Милютинымъ, напечатанная г. А. Леруа-Болье въ Revue des deux Mondes, 1880, 15 Octobre. Слово: реакція тутъ прямо произносится столбами московской славянофильской школы (которые, замѣтимъ, ищутъ окказій, чтобы переслать письмо къ бывшему испр. д. товарища министра, открыто признанному братомъ нымъ со стороны самодержавія!). Кн. Черкасскій только, находя реакцію нецѣлесою, не вѣрить въ ея продолжительность: „Послѣ весенней оттепели, мы возвращаемся, говоритъ онъ, не къ суровой зимѣ, а къ скучной и грязной слякотѣ“, которой онъ назначилъ не болѣе 3-4 лѣтъ продолжительности. И однако-же эта слякоть затянулась на все царствованіе Александра II, и, когда она наконецъ вызвала себѣ противудѣйствіе въ революціонныхъ протестахъ, то перешла таки въ совсѣмъ суровую зиму.

Какъ же держали себя во все это время „свободомысленные“ славянофилы?

Ю. Самаринъ даже въ изданной за границей въ 1867 г. книгѣ „Охрана Россіи“, въ предисловіи, счелъ долгомъ кинуть камнемъ въ Герцена, забывъ собственныя ему благодарности за его службу Россіи *), и посвѣтивъ заявить себя сторонникомъ самодержавія.

*) „Всѣмъ извѣстно, начинаеть Самаринъ свою книгу, что русская заграничная пресса приписываетъ намъ худую, къ сожалѣнію, воплотъ заслуженную славу. И не мудрено. За очень рѣдкими исключеніями, во всѣхъ рукахъ его порочащихся (Герценъ и Шедо-Феротти безъ различія), она служила въ Россіи, а политическимъ интересамъ и ученіямъ жившимся въ ея, и частію вовсе ей чуждымъ частію положительно ей враждебнымъ и т. д. Такимъ же джонгльмонствомъ относился же-

«Я убежден, писал Самаринъ, что далеко еще не наступило въ Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія. Вижу, что самодержавная власть (чтобы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна и правственна, какъ теперь (это послѣ рескрипта 13 Мая 1866 г.!!); думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не могла бы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и безпритязательнымъ содѣйствіемъ пародныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи; крѣпко держусь этой вѣры (все еще держусь, не смотря на все совершающееся и, по видимому, готовящееся въ настоящую минуту), что по существу своему, самодержавіе отнюдь не несомнѣваемо съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно пуждаемся, что, наконецъ, вопросъ теперь не въ томъ: какая реформа правленія для насъ лучше, а въ томъ: которое изъ двухъ побужденій, периодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ: довѣріе или страхъ» (Окр. Р., вып. I, стр. II—III).

Прошло еще семь лѣтъ. Слякоть продолжалась. „Довѣрія“ — не оказывалось. Самодержавіе все больше становилось орудіемъ бывшихъ крѣпостниковъ, которые стали составлять проекты радикальнаго преобразованія Россіи на олигархическихъ началахъ. Самаринъ почувствовалъ необходимость опять выступить за границу съ книгой, которая заключала критику этихъ проектовъ: „Революціонный консерватизмъ“ (Берлинъ, 1875). Съ обычной ему ѣдкостью, онъ рисуетъ непослѣдовательность правительства (конечно, со временъ Петра I), его „реакціи, которыя, въ послѣднее время стали наступать гораздо неожиданнѣе, чѣмъ въ бывшіе времена“. Вотъ, напр., строки, которыя поучительно прочесть и теперь:

«Въ одно прекрасное утро, Россія принимаетъ праздничный видъ — правительство открываетъ новое сооруженіе, только что возведенное по зрѣло обдуманному плану, и вводитъ въ него общество, выражая послѣднему свои надежды и полное свое довѣріе. Общество кланяется, благодаритъ и выражаетъ свою безграничную вѣру въ правительство. Правительство, въ свою очередь, благодаритъ общество за довѣріе и обѣ стороны расходятся въ умиленіи. На другой день, изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, падаетъ на новое зданіе первый косой взглядъ. За ночь, люди, стоявшіе въ сторонѣ, покуда кипѣла работа, открыли въ немъ какіе то канитальные пороки, возбуждающіе сомнѣніе въ его прочности. Обыкновенно, какъ особенно опасное, выставляется то обстоятельство, что фундаментъ слишкомъ широкъ и заложенъ черезъ чуръ прочно, а верхнія надстройки слишкомъ легки; гораздо лучше наоборотъ: на жидкомъ фундаментѣ поставить грузное зданіе. На третій день, правительство выходитъ на площадь, кается всенародно въ своихъ ошибкахъ и пугаетъ общество грозными крушеніемъ. Общество, только что размѣтившееся на своемъ новосельѣ, оглядывается въ недоумѣніи и уходитъ покачивая головою; работа, начавшаяся внутри довольно живо, естественно утихаетъ. На четвертый день, отряженными мастерами этого дѣла замазываются нѣкоторые окна и заколачиваются нѣкоторыя двери. На пятый, правительственное сооруженіе отдается подъ стражу, наряжается слѣдственная коммиссія и объявляется конкурсъ на тему: «какъ бы разнести зданіе, по

разъ къ Герцену и г. И. Аксакову, начиная съ „Дня“.

такъ, чтобы не было ни стука, ни пыли и чтобы этого не замѣтили ни Русской народъ, ни Европа?» Этой только минуты и выжидали «охранительные люди», какъ Вы ихъ называете; почуя ломку, они оживаютъ, сжимаются, нацѣляютъ свое воображеніе и прозвѣты сыплются со всѣхъ сторонъ.»

Какое же поученіе обществу даетъ умнѣйшій дѣятель славянской школы въ виду такого поведенія правительства, вообще, — и въ виду „надвигающейся новой исторической напраслины сверху“? — А вотъ какое:

«Намъ остается привести себя въ такое же настроеніе духа, съ какимъ покорный паціентъ, привязанный къ постели, готовится встрѣтить не по разуму усерднаго фельдшера, охотника до трудныхъ операцій и сбивающаго учинить опытъ надъ anima vili».

«Неисправимый славянофилъ, говоритъ затѣмъ Самаринъ, — я всетаки вѣрю, что Россія, уйдя внутри себя, оттерпится и на сей разъ и не умретъ подъ пожемою; онъ только беспокоится, что «когда она (Россія) очнется, окупаетъ себя и станетъ на ноги, найдетъ ли она при себѣ прежнюю (когдашнюю??) свою вѣру въ правительство, въ крѣпость его слова, въ твердость его намѣреній, въ прочность и надежность его твореній?» —

Вскорѣ послѣ написанія этихъ словъ Самаринъ умеръ. И. С. Аксаковъ дожилъ до худшихъ, до нашихъ временъ. И что же? Когда общество стало наконецъ просыпаться, когда земства стали подавать голоса въ духѣ тѣхъ адресовъ, сущность которыхъ самъ же г. Аксаковъ одобрялъ въ 1858 г., когда само правительство колебалось, — сторонникъ свободы сужденія и печати, „другъ земли“ и недругъ „власти“, г. Аксаковъ не нашелъ для себя болѣе приличной роли, какъ нападать на либерализмъ, на либеральную печать, стоять за самодержавіе, окрылять его въ упорствѣ противъ „лже-земства“ и „лже-народа“!!

Нѣтъ, эти господа самые вредные помощники деспотизма, потому что они безкорыстные его слуги, потому что они по временамъ украшаютъ свои рабскія знамена эмблемами свободы, потому что, даже будируя противъ правительства, они ничего не придумываютъ для общества, кромѣ покорности паціента, привязаннаго къ постели!

И люди, дѣйствительно желающіе добра русскому народу, любящіе его, хотя бы только по непосредственно-національному чувству, всего лучше поступятъ, если откровенно отдѣлятся отъ такихъ представителей ихъ направленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самодержавія, которому эти господа не перестаютъ поклоняться.

КЪ АПУХТИНСКИМЪ БЕЗПОРЯДКАМЪ ВЪ ПУЛАВАХЪ.

Намъ доставленъ изъ Кіева гектографированный экземпляръ воззванія студ. Ново-Алекс. Института къ студентамъ К. университета съ прибавленіемъ нѣсколькихъ словъ отъ этихъ послѣднихъ. Документъ составленъ по-русски и по польски. Вотъ онъ:

ТОВАРИЩИ!

Надѣмся, что Вамъ не безынтересно узнать подробности о закрытіи нашего института. Передаемъ голые факты:

11-го и 13 Февраля произведены обыски у 20-ти студентовъ и въ студенческой читальнѣ, гдѣ были найдены на столѣ запрещенныя

двѣ брошюрки*). 5 товарищей были арестованы, читальня и бібліотека по распоряженію попечителя (Апухтина) запечатаны.

22-го Ф: собралась сходка. Директоръ не желалъ явиться. Ему грозили устроить демонстрацію. Онъ пришелъ. Потребовали открытія читальни и бібліотеки, а также уничтоженія всѣхъ нововведенныхъ притѣсненій.

27-го Ф: газеты были возвращены.

3-го Марта открыли читальню.

4-го М: пріѣхалъ попечитель Апухтинъ. Свое прібытіе ознаменовалъ исключеніемъ студента за то, что тотъ въ разговорѣ сказалъ ему: «г. попечитель», а не «Ваше П—ство!» Посѣщая аудиторію, придирался къ цвѣтнымъ галстукамъ, длинн. сапогамъ, малорусскимъ рубашкамъ и къ манерамъ держать себя въ его присутствіи. Послѣ лекцій студенты собрались въ аудиторію 1-го курса предложить попечителю — возвратитъ бібліотеку, ассигновать суммы для уплаты недостаточнымъ студентамъ за слушаніе лекцій, и вообще — возвращенія всѣхъ правъ, отнятыхъ у насъ за Ноябрьскіе безпорядки. Попечитель присылалъ нѣсколько разъ директора и инспектора разогнать сходку. Но студенты настойчиво требовали попечителя. Наконецъ Апухтинъ влетѣлъ съ крикомъ: «Прочь! Долой со скамей! приказываю разойтись; полиціей разгоню!» Онъ продолжалъ реветъ. «Чего реветъ? Замолчи!» и т. п. «Мы желаемъ говорить, но не ругаться». Апухтинъ продолжалъ ругаться. «Замолчи!» посыпалось со всѣхъ сторонъ и аудиторія отсланилась пронзительными свистками. Попечитель бросился къ дверямъ съ непечатною руганью. «Трусъ! Подлецъ!» посыпалось ему вслѣдъ. Студенты разошлись.

5-го М: аудиторіи были заперты. 18 студентовъ исключено. Студенты выломали дверь и собрались въ аудиторію, гдѣ и порѣшили требовать объясненія причинъ исключенія товарищей. Объявлено на это заявленіе послужило появленіе войска въ аудиторію. Студенты вначалѣ хотѣли протестовать противъ грубаго произвола и поруганія надъ храмомъ науки, но потомъ порѣшили отравиться въ канцелярію, гдѣ составлено было коллективное прошеніе о выдачѣ документовъ, подъ которыми подписались всѣ безъ исключенія.

6-го М: Студенты собрались на институтскій дворъ съ цѣлью подать прошеніе и были разогнаны войсками.

7-го М: Институтъ объявленъ закрытымъ. Всѣмъ намъ выданы документы.

Бывшіе студенты Пулавскаго Института. Новая Александрія (Пулавы) 7-го Марта 1883 г. (Копія съ гектографированнаго заявленія).

Знакома студенчество съ описаніемъ возпѣній Пулавскихъ нашихъ товарищей, отмѣчаемъ ихъ въ длинной цѣпи университетскихъ безпорядковъ, какъ примѣры рѣдкой солидарности при отстаиваніи во имя справедливости своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ при безоружномъ протестѣ мысли и слова противъ произвола и насилія.

Выражая негодованіе на насилія ихъ начальства и мѣстной администраціи, высказывая свое полное сочувствіе ихъ протесту и отдавая долгъ справедливой оцѣнки проявленія въ ихъ образѣ дѣйствій высокаго самопожертвованія, пониманія своего человѣческаго достоинства и гражданского самосознанія, не можемъ не пожелать такого же единодушія, взаимной поддержки и сознанія общности интересовъ студенчества другихъ университетовъ.

Привѣтъ Вамъ, оскорбленные товарищи!

Привѣтъ Вамъ, поруганные друзья!

Привѣтъ Вамъ, братья!

Кіевскіе студенты. 20-го Марта 83.

Прибавимъ къ этому, что въ иностранныхъ газетахъ появились денешніе объ открытіи Пулавскаго института, съ прибавленіемъ о томъ, что г. Апухтинъ желалъ его окончательнаго закрытія, на что не согласился ген. губернаторъ Альбединскій.

*) Пріѣзжіе говорятъ, что брошюрки эти подброшены жандармами. Прим. нашего кіевского корреспондента.

СТУДЕНЧЕСКИЯ ВОЛНЕНИЯ ВЪ ВАРШАВѢ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Варшава, 20 апрѣля.

Въ понедѣльникъ (16 Апрѣля) по полудни по нашему городу разнесся обрадовавшій многихъ слухъ, что какой-то студентъ далъ пощечину попечителю Алухтинъ. Какъ происходило дѣло, рассказываютъ различно, но фактъ пощечины оставался несомнѣннымъ, и варшавяне испытывали пріятное чувство, похожее на удовольствіе челоѣка, которому удалось убить комара, самаго докучливаго изъ всей кусающей компаніи. Въ трактирахъ или здоровыхъ храброго укротителя попечителей, въ редакціи журналовъ приходили многія лица и жертвовали большія или меньшія суммы на различныя общепользныя дѣла въ память «радостнаго событія».

Самый фактъ, по рассказамъ очевидцевъ, происходилъ слѣдующимъ образомъ. Въ понедѣльникъ, въ 12 часовъ, между толпою посѣтителей, наполнявшихъ приемную попечителя, находился студентъ I курса юридическаго факультета, Евгенийъ Жуковичъ. Онъ еще первый годъ въ университетѣ, родомъ изъ Люблина. Отецъ его — русскій, мать — полька, самъ онъ считаетъ себя (по крайней мѣрѣ такъ было недавно) русскимъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что отецъ его происходилъ изъ «возсоединенныхъ униатовъ», и что Евгенийъ недавно поддалъ прошение, чтобы ему было позволено принять католическую вѣру; правда ли это, я не знаю.

Алухтинъ взялъ прошение Жуковича и, замѣтивъ, что его тамъ называютъ «господиномъ попечителемъ», сказалъ, «ко мнѣ такъ не пишется!».

«А, къ вамъ превосходительству такъ не пишется!» — произнесъ Жуковичъ и ударилъ превосходительство бамагой, которую держалъ въ рукахъ.

Алухтинъ закричалъ и, отдавъ пощечину, толкнулъ молодаго челоѣка на скамью, стоящую подъ стѣной. Тотъ вскочилъ и нанесъ два сильныхъ удара въ полную физиономію попечителя.

Произошла сумятица, позвали полицейскаго, прибѣжали на помощь попечителю его секретарь; Алухтинъ кричалъ во все горло «держите его, держите его». Жуковичъ спокойно сказалъ: «не бойтесь, я не уйду, не для этого я сюда приходилъ».

Онъ былъ арестованъ и на предварительномъ слѣдствіи говорилъ, что онъ ударилъ попечителя за его дѣятельность въ Варшавѣ и Пулавахъ.

Дѣло Жуковича будетъ разбираться въ Окружномъ судѣ, защищать его будетъ лучший здѣшній адвокатъ Пенловскій.

На слѣдующій день въ IV аудиторіи университета собралось около 200 студентовъ. Они приглашали къ себѣ ректора, Благовѣщенскаго, желая заявить ему одобреніе поступка Жуковича. Благовѣщенскій не хотѣлъ прійти, но объявилъ, черезъ проф. Самоковасова, что студенты могутъ прислать къ нему трехъ депутатовъ для выраженія общихъ желаній, и давалъ честное слово, что депутаты не пострадаютъ больше другихъ участниковъ демонстраціи. Собраніе отвѣтило, что оно не вышлетъ депутатовъ, такъ какъ оно не вѣрится честному слову ректора, который въ прошломъ году публично объявилъ, что «честное слово» не имѣетъ практическаго значенія.

Между тѣмъ въ университетѣ явилась полиція, жандармы, а наконецъ, и войско, которое заняло корридоры и различныя части университетскаго двора. Пѣхота окружила двѣ сотни студентовъ, собравшихся на дворѣ и желавшихъ соединиться съ товарищами, находящимися въ зданіи, и заставила ихъ очистить дворъ. Собраніе въ аудиторіи рѣшилось оставаться на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не явится ректоръ, а въ противномъ случаѣ уступить только натиску полиціи.

Передъ университетомъ собралась масса публики, которая съ недоумѣніемъ смотрѣла на отряды пѣхоты и конныхъ жандармовъ, которые чрезъ Краковское Предмѣстье шли въ

университетъ. Мало кто зналъ, что такое происходитъ, по большаю массу сосредоточеннаго войска позволяла догадываться, что дѣло весьма серьезно и поэтому публика находилась въ возбужденномъ состояніи. Ремесленники и работники, пользуясь случаемъ, выбранили ненавистнаго Власовскаго, который водворялъ порядокъ, и освободили изъ рукъ полиціи арестованнаго студента. Конные жандармы бросились на тротуары разгонять публику, но послѣднія, разступившись нѣсколько, сейчасъ же снова сличивалась. Настроеніе умовъ дѣлалось все болѣе тревожнымъ, положеніе становилось все шекотливѣе, а студенты, засѣвшие въ IV-ой аудиторіи, не думали выходить, полиція же почему то не рѣшалась ихъ разгонять.

Такъ продолжалось до 4½ часовъ по полудни, когда, наконецъ, въ аудиторію вошелъ оберъ-полицеймейстеръ Бутурлинъ и объявилъ, что собраніе будетъ разогнано войскомъ. Студенты рѣшились разойтись, но университетская инспекція замѣтила фамиліи всѣхъ, такъ какъ студентовъ выпускали по-одиночкѣ черезъ ворота, выходящія на Обозную улицу. Вѣроятно для удобства совершенія этой операціи студентамъ не позволили выйти главными воротами на Краковское Предмѣстіе, но вслѣдствіе этого публика, не видя выходящихъ студентовъ, думала, что они все находится въ осаждѣ, и поэтому не расходилась еще въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Нѣкоторые даже громко кричали, что студентовъ хотѣтъ заморить голодомъ.

Цѣлую ночь въ университетѣ и ближайшемъ участкѣ (Х-омъ Новосвѣтскомъ) стояло войско, а на слѣдующій день въ университетѣ выпускали только тѣхъ студентовъ, которые шли на лекціи и которые на участвовали во вчерашней сходкѣ. Прочіе поэтому останавливались передъ университетскими воротами, желая узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла, и переговорить съ товарищами; вскорѣ тамъ собралась значительная толпа. Многіе обращались къ инспектору съ требованіемъ, чтобы ихъ фамиліи были внесены въ списокъ участниковъ вчерашней демонстраціи, говоря, что они не пришли въ IV аудиторію по независящимъ отъ нихъ самымъ обстоятельствамъ. Инспекторъ, записавъ нѣсколькихъ, отказался дальнѣе записывать.

Публика, видя передъ университетомъ толпу студентовъ, стала тоже собираться на противуположныхъ тротуарахъ Краковскаго Предмѣстія.

Въ 11 часовъ утра прибылъ отрядъ конныхъ жандармовъ и принялся разгонять студентовъ. Во время происшедшей суматохи ст. Рымши, студентъ I курса, ударилъ тростью лошадей одного изъ нападающихъ; въ отвѣтъ на это жандармы съ обнаженными саблями бросились въ середину толпы и арестовали его. Тогда студенты толпою пошли по улицѣ гр. Берга и Мазовецкой, направляясь къ ратушѣ, чтобы требовать тамъ у Бутурлина освобожденія Рымши. Они встрѣтили оберъ-полицеймейстера на Мазовецкой и рассказали ему дѣло. Бутурлинъ обѣщалъ сейчасъ же рассмотреть его и уѣхалъ въ университетъ; студенты возвращались прежнею дорогою, но выходя изъ улицы Берга на Краковское Предмѣстіе оказались загораженными отрядомъ конныхъ жандармовъ, которыхъ вскорѣ смѣнили гвардейцы. Студенты остановились, ожидая рѣшенія Бутурлина; къ нимъ присоединилось много постороннихъ лицъ, а позади рядовъ гвардейцевъ по Краковскому Предмѣстью гуляла масса публики. Отвѣта отъ Бутурлина долгое время не было; приходили только различныя генералы да полицейскіе пристава, изъ которыхъ одинъ давалъ честное слово, что Рымшу освободятъ, какъ только студенты разойдутся, другой утверждалъ, что его вовсе не могутъ освободить, а третій клялся, что онъ сейчасъ пойдетъ и приведетъ съ собою Рымшу, чтобы выдать его студентамъ. Честными словами, расточавшимися въ данномъ случаѣ, можно бы было вымостить Варшаву, отчего, впрочемъ, городъ нашъ только сдѣлался бы грязнѣе и опаснѣе для погѣ проходящихъ.

Наконецъ въ 3 часа по полудни появился

оберъ-полицеймейстеръ и сказалъ, что дѣло Рымши будетъ разбираться въ мировомъ судѣ, и если судъ его оправдаетъ, то онъ сейчасъ будетъ выпущенъ*). Онъ записалъ 10 студентовъ, какъ свидѣтелей, и объявилъ, что если толпа не разойдется, то будетъ разогнана полиціей. Тогда студенты разошлись.

Того же самаго дня, вечеромъ, по улицамъ улицъ было выставлено объявленіе оберъ-полицеймейстера, грозящее строгою ответственностью тѣмъ, которые будутъ участвовать въ уличныхъ сборищахъ.

Въ четвергъ, въ 12 ч., студенты, не участвовавшие въ сходкѣ въ IV аудиторіи, собрались въ анатомическомъ театрѣ съ цѣлью развить свою солидарность съ Жуковичемъ и участниками прежней демонстраціи, но первыя явившіяся были разогнаны полиціей, а остальныхъ въ театр не пускали. То же самое повторилось сегодня въ зданіи университета. Лекціи продолжаютъ, но участникамъ демонстраціи 17 апрѣля нельзя входить въ зданіе. Надъ ними назначенъ университетскій судъ, но рѣшеніе вѣроятно послѣдуетъ еще не скоро.

Говорятъ, что эти безпорядки повлекутъ за собою отставку ректора Благовѣщенскаго, такъ какъ они приняты такіе размѣры по его бездарности и трусости, но что Алухтинъ останется на своемъ мѣстѣ, не смотря на пощечину.***) Во вторникъ онъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія телеграмму, въ которой Его Высочество просидѣлъ умолять Его Превосходительство не унывать и продолжать свою благотворную дѣятельность.

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „МОЛОКОМ“.

VI. Письма Н. С. Аксакова къ А. И. Герцену.

Предварительная замѣтка. Письма эти до такой степени важны для характеристики литературныхъ и политическихъ отношеній «времени реформъ» въ прошлое царствованіе, объясненіе котораго имѣетъ теперь такое практическое значеніе, что мы не могли ихъ оставить въ неизвѣстности для публики, не смотря на то, что авторъ ихъ живъ. Мы поступаемъ въ данномъ случаѣ по примѣру «Русской Старины», г. Леруа-Болье и другихъ, обнародовавшихъ письма и др. материалы объ этомъ времени. Мы охотно бы отмѣтили автора писемъ какимъ либо вензелемъ, но это, въ виду содержанія писемъ, нисколько не послужило бы къ его замаскированію. Впрочемъ, письма эти цѣлкомъ посвящены публичнымъ, а вовсе не личнымъ интересамъ, — и многія, сколько нибудь личные мѣста въ нихъ, мы опустили. М. Д.

1) Москва, 1857 Окт. 16 (28)

Уже изъ Москвы пишу вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, пишу съ обаяніемъ, съ которою посылаю вамъ остальные №№ «Молвы», впрочемъ только тѣ, въ которыхъ помѣщены передовыя статьи брата. Такъ какъ онъ не былъ редакторомъ и хозяйномъ газеты, и такъ какъ газета понесла всесторонній, то онъ отказался и отъ писанія статей и вообще отъ участія въ газетѣ. Обратите вниманіе на статьи о простомъ народѣ, о вольномъ и невольномъ трудѣ: онѣ чуть не свели съ ума старика — Вяземскаго и были поводомъ, съ его стороны, къ повѣстному гоненію на цензора Круже. — Забудьте въ Петерб. хлопотать о дозволеніи изда-

*) Курьезно было бы держать оправданнаго тѣмъ болѣе, что и вообще предварительное заключеніе подсуднаго только мировому суду вещь странная. (Ред.)

**) Какъ сообщаетъ краковская «Reforma», г. Алухтинъ исключенъ изъ членовъ варш. клуба. (Ред.)

вать газету; по враждебности ко мнѣ Министерству, я рѣшился просить позволения прямо у Государя письмомъ. Какъ скоро дозволятъ, то немедленно увѣдомлю васъ о томъ, а вы, между тѣмъ, поговорите-ка съ З., такъ, чтобы съ 1-го же №-ра можно было начать печатать его корреспонденцію.

Теперь вы имѣете возможности получать «Р. Бесѣду» изъ Лейпцига. Будьте добросовѣстны и не поддерживайте своимъ вліяніемъ ту сторону, которая въ слѣпкомъ поклоненіи передъ Зап. Европой, вмѣстѣ съ Европой, по закону неумолимої логики, начинаетъ нынѣ поклоняться деспотизму подъ видомъ администраціи, централизаціи и т. п. Ругая Англію, Чичеринъ съ братьей восхваляетъ теперь Людовика XIV, и смѣливая равенство съ однообразіемъ, униформомъ, отвергаетъ законность разнообразія жизни и проповѣдуетъ централизацію. — Всѣ эти госнода и эманципаціи не слишкомъ радуются, опасаясь, что выдвинется элементъ мужичій, варварскій, національный, въ ущербъ нашей Европейской благовоспитанности. — Кстати объ эманципаціи. Извѣстія объ ней, напечатанныя въ иностранныхъ газетахъ, оказываются покуда вздоромъ. Впрочемъ, Государь только на дняхъ воротился въ Петербургъ. Посмотримъ, что будетъ. Управление по прежнему рядъ аномалій, то новѣтѣ либерализмомъ, то отрыгнетъ Николаемъ. Вообще безобразно. Вамъ вѣрно уже доставили подробное описаніе здѣшней университетской исторіи, и вы уже знаете, какъ полицейскіе избili чуть не до смерти студентовъ тесакми и нагайками. Теперь производится слѣдствіе, говорятъ, Алекс. Ник. взбѣшенъ на позицію и смѣнитъ мерзавца Бернига, — но не ручаюсь. Вотъ вамъ одинъ случай, который расскажите въ «Колоколѣ». По поводу указа Государя, чтобы въ гражданскія учебныя мѣста не помѣщать воспитателей изъ военныхъ, какъ было при Николаѣ, въ фельетонѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» была помѣщена статья, въ которой, между прочимъ, сказано: съ какимъ восхищеніемъ и благодарностью къ царю, прочли мы указъ такой-то и пр. Ростовцевъ — тотчасъ къ Государю съ жалобой, говоря, что это оскорбленіе военному вѣдомству и оскорбленіе покойному Государю, что отмѣненная мѣра еще недавно имѣла силу закона, что такое выраженіе сочувствія всякимъ новымъ распоряженіямъ правительства, есть какъ бы осужденіе старыхъ и пр. — Бѣдный Алекс. Ник., съ дуру, въ тотъ же вечеръ указалъ на этотъ фельетонъ Вяземскому и повторилъ слова Ростовцева. Вяземскій, вмѣсто того, чтобы защищать газету, перенугался и на другой же день издалъ гнуснѣйшій и глупѣйшій циркуляръ, въ которомъ повторилъ и еще отвратительнѣе развилъ смыслъ словъ Ростовцева, но такъ какъ Министерство Нар. Просв. публикуется въ Ростовцевымъ, то Вяз. произвелъ слѣдствіе и открылъ, что авторъ статьи — учитель Моск. Кад. корпуса, Батистовъ*). Вяземск., обрадованный, тотчасъ Государю, что вотъ-де Ростовцевъ пожаловался, а виноваты его чиновники. Государь Ростовцеву: «Твои же иншутъ, а ты жалуешься на Министерство». Уязвленный Ростовцевъ

немедленно послалъ приказаніе въ Москву выгнать Батистова. Директоръ Корпуса, признавая Батистова лучшимъ и незаменимымъ учителемъ Корпуса, осмѣлился удерживать Батистова на службѣ до пріѣзда Ростовцева въ Москву, но когда Директоръ заикнулся о немъ, то Ростовцевъ спросилъ съ удивленіемъ: развѣ онъ еще здѣсь? Однимъ словомъ, бѣднаго учителя лишили мѣста!

Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; братъ Константинъ васъ обнимаетъ. — Кланяйтесь отъ меня Огареву.

Обнимаю васъ крѣпко.

Васъ искренно уважающій
Ив. Аксаковъ.

2) (Начало 1858 г.)

*) Но въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Молвы» братъ мой К. Серг. напечаталъ статейку «Публика и Народъ», которую вѣроятно Вы знаете. Но вы не знаете всего бѣшенства, возбужденнаго въ «публикѣ» этою статьею! Анонимныя письма съ угрозами, доносы, клеветы посыпались роємъ. Кончилось тѣмъ, что по докладу М-ра Государю — цензору сдѣлалъ строжайшій выговоръ, а «Молвѣ» назначилъ цензора Безсомыкина. Хорошъ цензоръ, котораго, какъ извѣстнаго труса, приставляютъ къ газетѣ въ качествѣ палача! Съ Безсомыкинымъ издавать срочную газету не было никакой возможности. Въ 1-мъ же моемъ №-рѣ онъ вычеркнулъ болѣе половины, авторы не согласились на искаженіе статей, Безсомыкинъ объявилъ, что онъ будетъ каждый № газеты (замѣтите еженедѣльной) вносить въ цензурный комитетъ... Однимъ словомъ, я не могъ издавать газеты и прекратилъ ее, не выдавъ ни одного номера и, возвративъ, къ немалому для меня убытку, по почти всѣ деньги подписчикамъ. Потомъ опять поѣхалъ въ Петербургъ, и послѣ долгихъ хлопотъ, благодаря ходатайству кн. Васильчикова, добился таки разрѣшенія издавать газету отъ своего имени. Забавно то, что они сами, желая какъ нибудь согласить мою просьбу съ требованіемъ Долгорукова о благопамѣренныхъ статьяхъ, рѣшились счесть такою мое статистическое изслѣдованіе украинской торговли, еще не напечатанное вполне географическимъ обществомъ! — Газета будетъ называться «Парусъ»; впрочемъ это названіе далось случайно. — Я получилъ позволеніе только въ Апрѣлѣ. Такимъ образомъ въ этой передрыгѣ прошла вся зима! Газету я начну съ 1-го Октября; лѣтомъ пора глухая и начинать не стоитъ. Но судьба моей газеты тѣсно связана съ состояніемъ цензуры, потому что прѣсной газеты я издавать не могу. — Вотъ отъ того и происходила задержка въ моихъ отвѣтахъ корреспондентамъ. З. присылалъ мнѣ образчикъ. Онъ составленъ прекрасно, только не вполне идетъ къ газетѣ, которая мало занимается внѣшней политикой. Теперь много газетъ ежедневно ныхъ, сообщающихъ политическія новости, получающихъ телеграммы и депеши и имѣющихъ постоянныхъ заграничныхъ корреспондентовъ. Мнѣ бы хотѣлось совершенно иного рода корреспонденцію, такую, въ которой бы отражался бытъ Англіи — сколько нужно для нашего поученія; напр., уголовные су-

ды, отношенія полиціи къ частнымъ людямъ, личная свобода и т. д.

Благодарю васъ за отзывъ въ «Полярной Звѣздѣ». Онъ такъ искусно написанъ, что мнѣ до сихъ поръ никакихъ запросовъ не было. Кланяйтесь Огареву. Его поступокъ, (т. е. объявленіе въ «Колоколѣ») въ высшей степени благороденъ, но едва ли не затворить ему дверей въ Россію*). Статья его объ общинѣ въ «Колоколѣ» прекрасна. Каждый славянофилъ готовъ подъ ней подписаться (но только славянофилъ, а не «Атеистъ», не «Р. Вѣстникъ»), но какъ же не совѣстно ему, да и вамъ, до такой степени упорствовать въ заблужденіи, и начинать статью, гдѣ все цѣлкомъ было уже проповѣдано намъ лѣтъ 10 тому назадъ, ругательствами на славянофилловъ! Какъ имѣете вы духъ говорить, что мы пользуемся покровительствомъ правительства! Полно-те, Александръ Ивановичъ, будьте безпристрастнѣе. Теперешніе Западники, во главѣ которыхъ Чичеринъ, проповѣдуютъ торжественное поклоненіе администраціи и централизаціи, воюютъ противъ общины и общиннаго владѣнія, глумятся надъ народомъ (называя его «бессилиемъ смысла передъ привычкой» — Соловьевъ), признаютъ австрійскаго жандарма законнымъ орудіемъ цивилизаціи для грубаго общества Славянскаго. — Эта явная неправда оскорбляетъ и здѣшнихъ студентовъ-соціалистовъ, которыхъ много, которые знаютъ и уважаютъ всѣхъ насъ лично, въ особенности Хомякова, не смотря на то, что не согласны съ нимъ во многомъ. Вы хорошо знаете, что ни Филлиповъ, ни Крыловъ не выражаютъ (нашего) направленія. — Я послалъ вамъ съ окказіей — «Р. Бесѣду» и «Сельское Благоустройство», 2 книжки. Получили ли Вы? Въ послѣдней книжкѣ «Полярной Звѣзды» много прекрасныхъ стихотвореній Огарева, — а ваши записки живы, метки, увлекательны. Прощайте, пишите и присылайте Ваши изданія съ окказіей. Будьте здоровы, крѣпко жму вамъ руку и Огареву. И. А.

Во 2 книжкѣ «Русской Бесѣды» будетъ, между прочимъ, моя маленькая статейка «о ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губерніи». Я постараюсь прислать Вамъ отгискъ и очень бы желалъ, чтобы Вы или ее въ переводѣ на франц. языкъ, или же содержаніе этой статейки сообщили Прудону. Онъ долженъ придти въ восторгъ, мнѣ кажется.

3) 16 Апр. 1860. Мюнхенъ.

Я долго удивлялся, почему не получаю отъ васъ въ Мюнхенѣ «Колокола», который Вы стали было (и это очень похвально) высылать ко мнѣ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; но потомъ догадался, — что до Васъ вѣроятно дошелъ слухъ, пущенный мною въ Гейдельбергѣ, что я уѣзжаю въ Славянскія земли. Я пустил этотъ слухъ нарочно, чтобы избавиться отъ Русскаго общества въ Мюнхенѣ. Впрочемъ, — въ началѣ Мая я дѣйствительно думалъ ѣхать въ Слав. земли. Ограниченность моего бюджета не позволяетъ мнѣ два раза посѣтить Англію, и потому я отлагаю свою поѣздку до осени, тѣмъ болѣе, что для васъ съ Огаревымъ я теперь не имѣю выгоды свѣжести, и въ этотъ промежутокъ времени васъ посѣ-

*) Батистовъ? М. Д.

*) Начало письма утеряно. М. Д.

*) № 9, 15 февр. 1858 г. М. Д.

тили многие русские. Но не в этом дело. Я получил вчера с оказией очень подробные письма из России и некоторые интересные бумаги. Не знаю, известны ли они вам. Посылаю вам: 1) Записку, которая ходит по рукам в Москве о Графе Паппе, она интересна, как исторический документ и не должна пропасть; 2) Адресс Владимирского Дворянства. Такой же точно адресс подали еще пять губерний: Ярославская, Костромская, Орловская, Харьковская и Калужская. Что Унковский сослан, — вы знаете. Его повезли не через Москву, а через Углич. Головачев, его друг и двоюродный брат, приговорен судом к заключению в смиренный дом, за грубости, сказанные предводителю дворянства, назначенному в Тверь от Короны (так как никто не стал баллотироваться). Предводитель пожаловался Министру Ланскому; Ланской отдал Головачева под суд. — Государь ужасно раздражается поступками дворянства, видеть в них конституционные попытки, объявлять, что обязан передать власть своим наследникам в том виде, в каком принял от папеньки и проч. К сожалению, я должен прибавить, что не только все общественное мнение обвиняет Николая Милютину, но есть и положительные доказательства, что он, сдѣлав знамя бюрократии своим знаменем, увлекся в борьбу и виновник большей части опрессивных мѣръ. Что он протестовал против разрѣшенія Московск. Обществу Любим. Р. Слов. имѣть свою собственную цензуру (на основаніи прежняго устава) — это он сам сказывалъ Исакову (понецителю Моск. Университета). Мнѣ это очень грустно, потому что я очень любилъ Милютину, и человекъ онъ въ сущности добрый. — Въ Москвѣ цензура свирѣпствуетъ: Предсѣдатель Щербининъ посадилъ въ комитетъ своего зятя «Прибыль», Малороса, и такимъ образомъ составилось большинство, дѣйствующее въ духѣ Тимашева; именно цензора: «Расковинко, Прибыль, Безсмыслица», съ предсѣдателемъ, — противъ Гиларова и Драгусова. — Въ Моск. Ценз. Комитетѣ получена бумага, гдѣ прописано требованіе Кн. Горчакова (М-ра Ин. Дѣл.), — что, такъ какъ мы съ Франціей и Россіей находимся въ дружеств. сношеніяхъ, то не слѣдуетъ дозволить въ печати что либо предосудительное для сихъ державъ; а такъ какъ Русскій и Австрійскій кабинетъ съ каждымъ днемъ болѣе сближаются, то еще менѣе слѣдуетъ дозволить печатать что либо оскорбительное для Австріи. — Депутаты втораго призыва несравненно менѣе либеральны, чѣмъ перваго, и поднесли адресс (нѣкоторые подписать отказались), въ которомъ просятъ эманципации крестьянъ безъ земли!

Вообще странная путаница. Надобно признать, что положеніе Александра Николаевича затруднительно. Да и не его одного. Присталъ бы къ депутатамъ — ихъ угнетаютъ, лишаютъ свободы слова, оскорбляютъ, они во многомъ правы, — да какъ пристать, когда они хотятъ лишить крестьянина земли? — Присталъ бы къ Комиссіи, которая для матеріальнаго благосостоянія крестьянъ сдѣлала много, и держитъ по видимому сторону крестьянъ, — но она же коверкаетъ бытъ

крестьянскій, вводитъ въ него начало бюрократическое, разрушаетъ общину, прибѣгаетъ къ деспотическимъ мѣрамъ, находится въ союзѣ съ властью! Присталъ бы къ дворянамъ, которые пишутъ, кажется, такіе смѣлые и хорошіе адрессы, которыхъ лишаютъ самыхъ естественныхъ первыхъ правъ, правъ голоса въ своемъ дѣлѣ, и пр. Но въ самыхъ либеральныхъ актахъ дворянства — пахнетъ, припахиваетъ духомъ сословнымъ! Присталъ бы къ правительству, къ Алекс. Ник., которому мы за многое обязаны, и у котораго есть человѣческое сердце, — но правительство знаетъ ничего не хочетъ и не понимаетъ, да и понять неспособно, да и возвращается на Николаевскую дорогу, да и мало ли причинъ, почему нельзя стать на сторону правительства? Но кого слушаться Александру Ник.? Панина или Шувалова, человека оппозиціи? Либерала Унковскаго, или либерала Милютину? Единственный выходъ изъ этого положенія — предоставить полную свободу сужденія и печати. Печать вышла бы на своихъ плечахъ истину. Партія, требующая освобожденія крестьянъ безъ земли, не осмѣлилась бы выступить на литературную арену. — Адрессы дворянства интересны и важны, какъ явленіе, но не по содержанию своему. Надобно сказать правду, что въ нихъ мало дѣльнаго, т. е. такого, чѣмъ бы правительство могло воспользоваться. Легко сказать: «новое управленіе, отвѣтственность, судъ присяжныхъ» и пр., но каждая такая реформа требуетъ чуть ли не такой же подготовительной работы, какъ и крестьянское дѣло. Все это должно быть предоставлено литературѣ. Я не понимаю, за что правительство преслѣдуетъ дворянство за такіе адрессы. Даже съ ихъ точки зрѣнія смотря, можно было бы отвѣчать: «Кланяться и благодарить!» Но тѣмъ не менѣе едва ли бы кто, года два тому назадъ, повѣрилъ, что шесть губерній рѣшится подписать такіе адрессы! — Этотъ адресс, равно какъ и записку, — Вы можете, если хотите, напечатать. (Можетъ быть, Вы и напечатали уже: здѣсь нельзя достать «Колокола», и я, послѣ 63 №, не выдалъ «Колокола»).

Посылаю Вамъ также, но не для печати, а для прочтенія — Вамъ и Огареву — замѣчанія брата моего Конст. на доклады Ред. Комиссіи; онъ желаетъ, чтобы вы ихъ прочли и сказали ему ваше мнѣніе. По прочтеніи, возвратите ихъ мнѣ, адрессуя въ Мюнхенъ, poste restante. Онъ посылаетъ ихъ, разумеется, Самарину и Черкасскому. Можетъ быть, при пересмотрѣ своихъ трудовъ, они чѣмъ нибудь и воспользуются, если Милютинъ не воспротивится. Критика брата совершенно вѣрна, но положительная часть является все таки сочиненіемъ, которое можетъ быть и ближе подходитъ къ народнымъ правамъ, чѣмъ все прочія предположенія, — но рѣшить этого мы не въ состояніи. Можетъ быть, и то правда, что мы съ гораздо болѣею робостью и церемонностью относимся къ жизни народа, чѣмъ онъ самъ бы отнесся къ себѣ, не боясь сдѣлать прорухи, вполне сознавая, что въ немъ отжито, что можетъ онъ принять, не противурѣча своимъ началамъ, и т. д.!

Прощайте, любезный Александръ Ивановичъ, обнимаю Васъ и Николая Платоновича. Пред. В. Ив. Аксаковъ.

Я посылаю это черезъ Лейпцигъ, потому что здѣсь не принимаютъ въ Англію sous bande, и потому что отсюда пакеты идутъ черезъ Францію.

4) Сентября 25 (13) 1860, Лейпцигъ.

Давно не писалъ я Вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; всѣ эти четыре мѣсяца я путешествовалъ по славянамъ, и, за исключеніемъ Сербскаго княжества, обрѣтая постоянно въ Австрійскихъ владѣніяхъ, откуда письма къ Вамъ едва ли доходятъ. Приѣхавши по дѣламъ на одинъ день въ Лейпцигъ изъ Праги, сѣдѣлъ аужнуться съ Вами. Заглянулъ я въ «Колоколъ», давно мною не читанный, и, признаюсь, разсердился очень... Первое, что попалось мнѣ на глаза — это выходка противъ Хомякова, несправедливая, неудачная и обнаруживающая только тщетное желаніе какъ нибудь вынуть грязью въ человека, въ честности, благородствѣ, свободомысліи котораго Вы не смѣете сомнѣваться. Статья Лонгинова по поводу недозволенія Австрійскимъ правительствомъ Ганкѣ приняты званіе члена, статьи, которую я, впрочемъ, не читалъ, напечатана безъ вѣдома и въ отсутствіи Хомякова, находящагося въ деревнѣ. Между Хомяковымъ, между нами и Лонгиновымъ нѣтъ ни малѣйшей солидарности, ни малѣйшей связи *). Онъ скорѣе «вашъ», т. е. былъ вашъ. Я его въ первый разъ узналъ у Милютину, какъ пріятеля Милютину, Огарева, Корпа и пр. Тогда онъ былъ нашимъ противникомъ и вѣсть со всѣми вашими (бывшими) пріятелями глумился надъ нами, лгалъ на насъ и бросалъ въ насъ грязью. Въ Москвѣ онъ присталъ къ партіи «Русскаго Вѣстника», которой и служилъ съ вѣрностью и преданностью. Какъ библиографъ, какъ хлопотунъ — много способствовавшій возстановленію Общества Словесности, избранъ онъ въ Секретари, и только какъ Секретарь имѣетъ отношеніе къ Хомякову. — Странное дѣло, Александръ Ивановичъ! Если вамъ приходится отдавать намъ справедливость, то это вамъ стоитъ большихъ надъ собою усилий; вы словно давнѣе и обставляете свои похвалы всякими оговорками; совершенно въ родѣ того, какъ когда приходится Пѣмцу, Французу или Англичанину похвалить Русскихъ. Нѣмцы, Французы и Англичане могутъ между собою ругаться и ссориться, но противъ Россіи, противъ славянскаго міра готовы тотчасъ же коалицію. Такъ и вы съ тѣми вашими пріятелями, съ которыми теперь ссоритесь... Когда же есть поводъ, т. е. вы предполагаете, что есть поводъ, ругнуть кого нибудь изъ насъ, то вы съ великою радостью хвастаетесь за этотъ поводъ и подавляете въ время непріязни такъ и вспыхиваетъ наверхъ. Все это выражается въ той маленькой статейкѣ «Колокола», гдѣ имя Хомякова прилагается ни къ селу, ни къ городу. Можно было бы подумать, что какъ вы ни ругаете Панаева и К^о, по вы къ нимъ все таки ближе, но я этого не хочу думать. Просто — стыдно вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что вы позволили себѣ

*) Забавная оговорка, какъ и выше о Филиппѣ и Крыловѣ: «не наши», — а у насъ печатаются М^о благородны, мы свободомыслии, а водимъ е^ю только съ ретроградами, но и съ явными догматиками, какъ А. Муравьевъ и М. Юзефовичъ! М. I.

такую выходку, и я слишком люблю васъ, чтобы молчать или скрыть отъ васъ мою досаду.

Очень хороша статья Огарева—ответъ на письмо какого то песенника и оправданіе Русскаго Народа. Многія мѣста, многія выраженія почти слово въ слово сходятся съ тѣмъ, что сказано нами отчасти въ печати, отчасти въ рукописяхъ, ему, конечно, совершенно неизвѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ онъ становится почти на одну точку зрѣнія съ нами, между прочимъ съ Хомяковымъ, что вамъ обоимъ не безъизвѣстно.—Вы, конечно, помните, любезный Александръ Ивановичъ, моего брата Константина? Вы помните, какой это былъ атлетъ тѣлосложеніемъ, какой здоровякъ, какава грудь, какой голосъ... Теперь онъ здѣсь за-границей, больной, почти чахоточный. Я говорю почти, потому что надеюсь, что его грудная болѣзнь не разовьется въ чахотку. Послѣ смерти отца онъ страшно постарѣлъ и онустился физически; а нынѣшней весной простудилъ легкія такъ, что долженъ былъ три мѣсяца лечиться, и теперь ѣдетъ въ Швейцарію, въ Веве, къ тѣмъ виноградъ. Я ѣду вмѣстѣ съ нимъ. Нашъ адресъ Веве, poste restante. Вы писали мнѣ, что поручили Трюбнеру отослать къ Вагнеру, въ Лейпцигъ, рукописи, мною къ вамъ посланныя, именно рукописи брата, его замѣчанія на доклады Администрат. и Хозяйств. Отдѣленій Редакц. Комиссіи. Но книгопродавецъ Вагнеръ до сихъ поръ ничего не получалъ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите ихъ въ Веве, онѣ пужны брату.

Прощайте, дорогой Александръ Ивановичъ, надеюсь, что вы примете дружески мои упреки. Обнимаю васъ и Огарева.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

5) 7 Іюня 1861.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Ныне ровно полгода, какъ братъ скончался, и почти полгода, какъ мы въ послѣдній разъ перекликулись за-границей. Вы на мое письмо отвѣчали такой статьей въ «Колоколѣ»*), за которую я Васъ еще крѣпче полюбилъ и которая безконечно лучше всего, что было сказано и написано о братѣ и Хомяковѣ у насъ, въ Россіи, друзьями. Обрубленный, какъ дерево, прожилъ я эти полгода въ Москвѣ, — и занялся изготовленіемъ къ печати и изданіемъ сочиненій брата и Хомякова. Къ осени выйдутъ первые два тома сочиненій брата (двѣ трети напечатано не было) и первый томъ сочиненій Хомякова. Въ то же время я напечатать за-границей, у Вагнера въ Лейпцигѣ, разборъ, сдѣланный братомъ, 7 докладовъ Администрат. Отдѣленія Редакц. Комиссіи, или — вѣрнѣе сказать — критику современнаго новаго административнаго устройства крестьянъ по Положенію 19 Февраля. Такъ какъ въ §§, на которые нападаетъ братъ, вошли въ составъ нѣкѣ дѣйствующаго Положенія, что тщательно мною отмѣчено въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, то сочиненіе это имѣетъ интересъ не историческій только, но и нѣкогда живой, современный. Я приказалъ Вагнеру, немедленно по отисчаніи, послать Вамъ экземпляръ, и Николаю Платоновичу также. Его это должно въ особенности заинтересовать. Я бы счелъ

*) 1861 г., 15 Января. К. С. Аксаковъ. М. Д.

себя виноватымъ передъ покойнымъ братомъ, еслибъ пропустилъ минуту и не далъ раздаться его протесту противъ искаженія народныхъ бытовыхъ началъ петербургской либеральной бюрократіей. Знаю, что многимъ здѣсь оно будетъ неприятно, и еще не знаю, какъ посмотритъ на это правительство, которое только что дозволило мнѣ, послѣ долгихъ колебаній, изданіе еженедѣльной газеты, подъ названіемъ «День». День, впрочемъ, будетъ сѣрый, пасмурный, да и появится-то онъ не ранѣе 15 Сентября или 1 Октября. — Какъ тяжело и трудно теперь для меня изданіе газеты, Вы и представить не можете: мелочныхъ препятствій пропасть а бодрости прежней нѣтъ, нѣтъ со-трудниковъ, нѣтъ цѣлой, сочувственной и животворившей все кругомъ, среды... Но хочу попытаться: дѣло это представляется мнѣ обязательнымъ общественнымъ подвигомъ, — но по силамъ ли онъ мнѣ, — это окажется впоследствии.

Странное дѣло! Въ моемъ письмѣ я самъ слышу прежнюю ноту, довольно безотраднато свойства, а между тѣмъ, казалось бы, нынѣшныя должны бы звучать наши рѣчи послѣ событія 19 Февраля. Или же мы такъ состарѣлись, такъ проквасились Николаевскимъ квасомъ, что все представляется намъ тѣмъ то кисло-соленнымъ? — Или же, наконецъ, то, что совершается, не то, чего мы ждали и чаяли? Несомнѣнно, что во всякомъ случаѣ оно совершилось не такъ, какъ мы его ждали. Исторія не побаловала насъ никакимъ лирическимъ ощущеніемъ, никакой красивой декорацией; я вполнѣ сознаю такое распоряженіе мудрымъ, и наше требованіе дѣтскимъ, — хотя думаю, что пужны бываютъ какъ человѣку, такъ и народу лирические моменты въ жизни, разомъ поднимающіе духъ и озаряющіе внутреннее сознаніе. Какъ бы то ни было, освобожденіе крестьянъ было такъ обставлено, что для радости, т. е. для произведенія чувства радости нуженъ извѣстный отвлеченный процессъ мысли: пужно напомнить себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чашное будущее, а не въ настоящее. — Постоянно себѣ говорю, что совершается одна изъ величайшихъ социальныхъ революцій, но се не осажусь: тѣмъ можетъ быть прочіе ся дѣло; свѣжій воздухъ, конечно, уже повѣялъ, но фильтрованныйъ сквозь такіа вонючія тѣла, что его и признать трудно.

И все таки совершилось, хотя и безобразно, такое дѣло, которое, замыкая прошитую Россію тысячу лѣтъ, начинаетъ новую эру, новый порядокъ формаций. Старый порядокъ осѣдаетъ, проваливается, рушится. Это несомнѣнно. Новый еще не выработался. Еще нельзя навѣрное опредѣлить, имѣетъ ли законъ 19 Февраля положительную организующую силу, или весь смыслъ его заключается въ томъ, что онъ пробилъ только брешь въ крѣпостной стѣнѣ. Я вѣрю въ присутствіе живящихъ организующихъ началъ въ народѣ, но для того, чтобы они могли дѣйствовать, нужно освободиться имъ отъ всякаго инороднаго элемента, отъ всего того великаго хлама, натасканнаго исторіей на жизнь народную. Намъ нужно будетъ сначала изжить всю ложь, которой запасть у насъ пеленатъ; вся мерзость, вся болѣзнь, смир-

по гнѣздившаяся въ организмѣ, теперь потревоженная, должна будетъ высыпаться наружу, проявиться, пожить (и красива будетъ Россія въ сып!), потомъ подсохнуть и свалиться. Вся трагичная цивилизація, цивилизація Ножевой Линіи, солдатства, чепуха раскола и проч., и проч. непременно должны проявиться и облечься. Такимъ образомъ мы должны пережить еще множество фазовъ лжи. Ляжетъ на нашу землю и и слой лжи качества либеральнаго (конституціи), и множество.

(Конецъ письма утерянъ).

САМОДЕРЖАВІЕ И БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА ЕГО ПРОТИВНИКОВЪ*).

(Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»).

Русскому обществу приходится въ настоящую минуту быть свидѣтелемъ предсмертной агоніи давно и медленно умирающаго русскаго самодержавія. Люди самыхъ различныхъ политическихъ партій и направленій, какъ въ Россіи, такъ и за границей, сходятся въ одномъ пунктѣ: что русское самодержавіе исчерпало себя, представляетъ собою рѣжущій глаза анахронизмъ и фатально разлагается и близится къ гибели.

Это разложеніе самодержавія съ особенной яркостью обнаружилось за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ. Безсиліе центральной власти въ основныхъ присущихъ ей функціяхъ, страшный экономическій и финансовый упадокъ, безтолковая и колеблющаяся внутренняя политика, до пелѣности доведенная реакція и бесплодность всѣхъ правительственныхъ предпріятій и мѣръ, наконецъ, тотъ фактъ, что небольшая, плохо-организованная и не имѣющая ни средствъ, ни сильной поддержки въ обществѣ группа революціонеровъ могла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держать въ страхѣ правительство, вынужденное сосредоточить на нихъ все свое вниманіе и прибѣгнуть къ осажденному положенію, — все это для каждаго очевидныя признаки агоніи. Самодержавіе и само уже перестаетъ вѣрять въ поддержку и симпатіи общества, и опирается только на свою матеріальную силу, до тѣхъ поръ, пока эта сила, по привычкѣ и рутинѣ, не выпала еще у него изъ повиновенія и пока русское общество, по косности, трусости и отсутствію живаго политическаго сознанія, не рѣшилось еще на активный и рѣшительный протестъ.

За послѣдніе двадцать лѣтъ самодержавіе систематически подтачивалось почти непрерывнымъ рядомъ движеній и протестовъ русской революціонной интеллигенціи. За широкимъ умственнымъ и освободительнымъ движеніемъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ послѣдовали заговоры Каракозовскій, т. наз. Нечаевское дѣло, агитація молодежи въ началѣ семидесятыхъ годовъ, массовое движе-

*) Помѣщая на страницахъ нашего изданія письмо автора, принадлежащаго къ тому, чѣмъ мы, лагерь, мы считаемъ излишнимъ возражать на нѣкоторыя его теоретическія и историческія положенія, съ которыми мы не согласны. Читатели сами увидятъ, въ чемъ они отличаются отъ мыслей, много разъ высказанныхъ нами. За то мы выскажемъ нѣсколько замѣчаній относительно практическихъ соображеній автора. (Ред.)

ние въ народъ для социально-революціонной пропаганды. Когда исчерпаны были всѣ средства мирной единичной и массовой пропаганды, когда хождение въ народъ, распространение книгъ и попытки созданія социалистическихъ группъ въ народѣ разбились о каменную стѣну русской полицейской организации, индифферентности общества, нищеты и невѣжества народной массы, — прежніе пропагандисты свободы и социализма, какъ извѣстно, прибѣгли къ крайнему средству, къ такъ называемому терроризму. Отказавшись, по необходимости, отъ идейной пропаганды, проповѣдники свободы и справедливости начинаютъ мстить за поправныя права чело вѣ ка и тѣмъ подаютъ примѣръ революціоннаго протеста, воспитываютъ въ обществѣ революціонное чувство, создаютъ революціонную традицію — и цѣлымъ рядомъ актовъ революціоннаго правосудія указываютъ неертному обществу и забитому народу на возможность саморасправы и самозащиты и на настоятельную необходимость болѣе справедливыхъ общественныхъ и политическихъ порядковъ.

И не смотря на все это, самодержавное государство все таки существуетъ и, быть можетъ, еще долго протянетъ свое жалкое и гибельное для Россіи существованіе. Фактъ этотъ доказываетъ только, что обособленныя группы революціонной интеллигенціи, а тѣмъ болѣе группы молодежи, — горячѣй, самоотверженной и глубоко вѣрующей, но лишенной опытности, хладнокровія, политической выработки, матеріальныхъ средствъ и поддержки въ странѣ и обществѣ, — что такія группы и единицы, способныя цѣною жизни и свободы совершить политическую демонстрацію, кинуть въ лицо самодержавнаго правительства смѣлый вызовъ и презрѣніе и расшатать его авторитетъ въ общественномъ мнѣніи, — не въ силахъ однако опрокинуть его безъ содѣйствія сознаваго себя и выступившаго на политическую арену общества.

Революціонная молодежь сдѣлала свое дѣло, сдѣлала, пожалуй, больше, чѣмъ можно было отъ нея требовать при ея малочисленности, по сравненію съ обширностью и многонаселенностью Россійской имперіи. Она не свалила самодержавіа и не улучшила русскихъ порядковъ, но неоспоримъ тотъ фактъ, что, если русское общество въ послѣдніе годы проявило кое-какіе признаки политическаго пробужденія и движенія, то въ значительной степени обязано этимъ потрясавшему дѣйствію актовъ такъ называемаго терроризма, которые въ однихъ вызывали восторгъ и надежды, въ другихъ — страхъ и отвращеніе, но тѣхъ и другихъ убѣждали, что положеніе дѣлъ въ странѣ достигло высшей ступени ненормальности и что современными русскими политическими порядками падо, такъ или иначе, положить конецъ. Съ этого времени начались робкія притязанія общества на участіе въ дѣлахъ государства, выразившіяся въ заявленіяхъ разныхъ земскихъ и общественныхъ группъ относительно ихъ политической безправности и безсилія въ борьбѣ съ врагами общественного порядка; съ этого времени началось образованіе разныхъ лигъ и обществъ охраны царской личности, за которыми также нельзя не при-

знать политическаго характера и политическихъ притязаній, хотя бы эти притязанія носили на себѣ отпечатокъ опричинны; съ этого же времени, наконецъ, падо считать возникновеніе нѣсколькихъ земско-общественныхъ тайныхъ обществъ и союзовъ, образовавшихся, повидному, съ цѣлью ограниченія самодержавія, упорядоченія русскаго общественно-политическаго строя и введенія въ Россіи конституціи.

Все это вызвано къ жизни энергической атакой революціонеровъ. Теперь, по всѣмъ признакамъ, рядомъ съ безпримѣрнымъ хаосомъ въ правительственныхъ сферахъ, въ русскомъ обществѣ, которое до сихъ поръ оставалось равнодушнымъ къ позору своего безправія и безучастнымъ къ поединкамъ между революціонерами и самодержавіемъ, — начинается обнаруживаться замѣтное политическое броженіе. Политическія группы начинаютъ мало-по-малу выдѣляться, заявлять о себѣ и опредѣлять свои стремленія и задачи. Мы, во всякомъ случаѣ, живемъ наканунѣ крупнаго перелома въ русской жизни, перелома не въ смыслѣ какой нибудь обманчивой подачи со стороны самодержавія, а въ смыслѣ пробужденія политической самостоятельности общества. Признаковъ тому не мало, къ числу ихъ надо причислить и лежащую передъ нами брошюру, посвященую заглавіе «Политическая Программа Земскаго Союза». Къ сожалѣнію, мы, живущіе за границей, имѣемъ весьма смутное представленіе о томъ, что собственно представляетъ собою этотъ «Земск. Союзъ», изъ какихъ составляется элементовъ, каковы его силы, средства и пути его дѣятельности. Если вышеупомянутая «Программа Земскаго Союза» и самъ «Союзъ» представляютъ собою серьезное движеніе въ пользу установленія въ Россіи такъ наз. «правоваго порядка» или свободы, неприкосновенности личности, участія общества въ устройствѣ дѣлъ своей страны и вообще конституціонныхъ гарантій, если этотъ «Союзъ» есть организованное и широко-распространенное политическое общество, задавшееся цѣлью добиться для Россіи свободы и представительныхъ учреждений, а не тѣсная группа пріятелей, пожелавшихъ высказать печатно свои либеральныя взгляды и пожеланія, — то какова бы ни была его программа, какъ бы ни недостаточна она представлялась людямъ другихъ политическихъ направленій, — ее нельзя не назвать утѣшительнымъ явленіемъ въ русской жизни и появленіе ее нельзя не приветствовать.

Силы русской оппозиціи до такой степени слабы и разрознены, что разнымъ оппозиционнымъ элементамъ не приходится иценчивать подобно европейцамъ, брезгливо относиться другъ къ другу и къ политическимъ заявленіямъ тѣхъ группъ нашего общества, политическіе идеалы которыхъ не удовлетворяютъ нашихъ платоническихъ желаній. Въ виду общаго врага, въ виду гнетущаго всѣ свободныя проявленія жизни самодержавія, въ виду слабости политическаго самосознанія въ нашемъ обществѣ, — нѣтъ резона, какъ намъ представляется, поддерживать въ настоящую минуту розни и вражду между социалистами, радикалами, конституционалистами, централистами, федералистами и т. п., тѣмъ болѣе, что всѣ эти разнообразныя по-

литическія направленія не сложились еще у насъ въ опредѣленныя политическія партіи, а представляютъ пока идейныя теченія болѣе или менѣе обширныхъ группъ интеллигенціи, каждая по своему формулирующихъ нарастающіе запросы жизни *). У насъ нѣтъ до сихъ поръ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, личность не только не обезпечена, но и ни во что не ставится, мысль, религіозная совѣсть, печатная и устная рѣчь подчинены безграницному произволу шайки тупыхъ и невѣжественныхъ полицейскихъ, общественная инициатива заподозривается въ самыхъ мирныхъ и невинныхъ своихъ проявленіяхъ, — словомъ, у насъ нѣтъ еще всего того, что должно быть одинаково дорого всѣмъ партіямъ, будь это либералы, радикалы, социалисты или федералисты, безъ чего не мыслимо сколько нибудь разумное существованіе, безъ чего неосуществима никакая коренная экономическая реформа, словомъ — всего того, что составляетъ основу, красуточный камень сколько нибудь правительнаго гражданскаго общежитія. Добиться этихъ коренныхъ, существенныхъ благъ составляетъ задачу и обязанность всѣхъ прогрессивно-оппозиціонныхъ группъ въ Россіи, и пока живетъ и царитъ общій врагъ, гнетающій всего этого Россію, каждая партія или политическая группа, искренне задающаяся цѣлью добиваться политическихъ и гражданскихъ правъ и свободъ, имѣетъ право на сочувствіе и поддержку всѣхъ партій, хотя бы онѣ расходились съ нею въ другихъ важныхъ пунктахъ своей программы.

До сихъ поръ въ нашемъ политическомъ обиходѣ въ Россіи признавалось только два ясно выраженныхъ политическихъ направленія или партій: направленіе либеральное и направленіе социалистическое. Либералы или конституціоналисты желали ограниченія самодержавія, обезпеченія гражданскихъ и политическихъ правъ личности и общественныхъ группъ и введенія въ Россіи правительнаго гражданскаго порядка и представительства, какъ панацеи отъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій и неурядицъ.

Социалисты, не отрицая пользы и необходимости этихъ требованій, видѣли въ нихъ

*) Мы не думаемъ, чтобы союзная теорія автора могла быть приложима къ отношеніямъ между федералистами и централистами, такъ какъ не только стремленія тѣхъ и другихъ взаимно исключительны, но централисты въ сущности вовсе не противники «общаго врага», а даже, въ крайнемъ случаѣ, только видоизмѣненіе его. Централизация, какова бы она ни была, хотя бы республиканская и даже коммунистическая, требуетъ для себя бюрократіи и арміи, — а слѣдовательно — и проч... Впрочемъ, на сколько мы можемъ судить о настроеніи общества въ Россіи, централистическія идеи теперь въ немъ далеко не въ авантажъ и, кажется, только и держатся, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ, наиболѣе претендующихъ на интеллигентность (какъ это ни странно), — а именно въ кружкахъ «революціонныхъ» и кой-какихъ либеральныхъ, — докторинскаго, литературно-адвокатско-профессорскаго пошиба. Масса же образованныхъ русскихъ, какъ, впрочемъ, по своему и добрая часть необразованныхъ, — теперь только и молится о томъ, какъ бы господъ богъ избавилъ ее отъ всѣхъ благодѣтелей и далъ ей пожить на своей волѣ, — по гречески: авто-номіи. Слѣдуетъ издѣяться, что настроеніе массы не уйдетъ отъ индифферентности и указаннымъ противникамъ федерализма, отъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, интересно было бы услышать откровенное изложеніе ихъ политическаго идеала. (Ред.)

нѣчто второстепенное, несущественное, говорили о нихъ какъ то вскользь и мимоходомъ, предоставляли либераламъ вѣдать этой областью человѣческихъ благъ, какъ болѣе близкой ихъ сердцу и насущнымъ интересамъ, а сами направили на экономическій переворотъ, на матеріальное обезпеченіе народа, на коренную реорганизацію социально-экономическихъ отношеній, которая одна можетъ дать прочность свободному и разумному политическому строю.

Это старый теоретическій споръ, за туманомъ котораго скрываются отъ глазъ настоятельныя нужды живой дѣйствительности и практическая истина. Экономическая обезпеченность недостижима безъ политической свободы, говорили одни. Политическая свобода — нелѣпость безъ экономического равенства, утверждали другіе. И обѣ стороны вертѣлись въ этомъ заколдованномъ кругѣ своей партійной исключительности, не замѣчая или, вѣрнѣе, не желая признать, что политическая свобода и социализмъ не только идутъ рядомъ рука объ руку, но тѣсно между собою переплетаются и почти неизбежно влекутъ другъ друга. Одно время эта исключительности доходила у насъ до того, что социалисты боялись либерализма, не хотѣли политической свободы и желали отдаленія по возможности момента пришествія конституціи, которая вмѣстѣ съ свободой обезпеченныхъ классовъ будто бы могла какимъ то непопятнымъ образомъ помѣшать дѣлу экономического освобожденія и обезпеченія массы народа. Такъ что въ самые мрачные моменты самодержавнаго деспотизма у насъ имѣли мѣсто враждебныя столкновенія между политическими либералами и экономическими радикалами.

А жизнь, между тѣмъ, шла своимъ чередомъ и грозно надвигала свои насущныя нужды. Безобразный политическій режимъ подорвалъ и истощилъ всѣ жизненные силы страны. Проповѣдь социализма не только оказалась негодной и черезъ-чуръ туманной для народа, но и не успѣла дойти даже до него, благодаря невозможности въ Россіи никакой, виѣ официальной, пропаганды. Стали ясно, что какъ ни привлекательны туманно-отдаленные идеалы социализма, но съ ними при нынѣшнихъ условіяхъ никуда не сунешься, что есть нѣчто такое, безъ чего, при всей его недостаточности для счастья человѣка, жизнь абсолютно немыслима, что, къ тому же, болѣе понятно и легче достижимо, чѣмъ социализмъ, безъ чего и социализмъ никогда не приобрететъ права гражданства. Стало ясно, словомъ, что безъ осмѣянной политической свободы, безъ провозглашенія правъ человека нельзя сдѣлать и шагу. До такой степени, что въ программѣ послѣдняго слоя русскихъ революціонеровъ, въ программѣ террористовъ, политическія права заняли первое, господствующее мѣсто.

Въ сотый разъ приходится сказать, что социализмъ западныхъ народовъ, со всѣми его подраздѣленіями: коллективизмомъ, коммунизмомъ, анархизмомъ и тому под., если даже допустить его спасительность для Европы, неприменимъ въ настоящее время въ Россіи даже только какъ проповѣдь болѣе или менѣе отдаленной формы общественно-экономическаго устройства. Для людей,

заботящихся объ экономическомъ благѣ и обезпеченіи народа въ Россіи нѣсколько воплотить научныхъ истинъ современнаго социализма могутъ служить указателемъ и свѣточемъ будущаго, но свѣточемъ, который долженъ не заслонять современную дѣйствительность, а освѣщать и выяснять ее; съ точки зрѣнія этихъ истинъ и при ихъ помощи можно и должно разрабатывать и разрѣшать отдѣльные назревающие вопросы и нужды современной жизни; но навязывать ихъ жизни, втискивать жизнь въ ихъ рамки и презрительно отворачиваться отъ ея настоятельныхъ и неотложныхъ нуждъ только потому, что она не влѣзаетъ въ рамки нашихъ доктринъ, — значило бы попусту тратить время и вычеркивать себя изъ списка живыхъ.

Русскихъ либераловъ обыкновенно обвиняли въ отсутствіи гражданскаго мужества, въ лпцемѣрномъ заигрываніи съ самодержавіемъ и въ томъ, что, добиваясь политической свободы и участія въ управленіи страной, они заботились только о себѣ, о своемъ сословномъ благѣ и выгодѣ, забывая о насущныхъ нуждахъ народа, которому больше нужна земля и облегченіе податей и повинностей, чѣмъ политическая свобода и избирательныя права.

Къ сожалѣнію, въ этихъ обвиненіяхъ есть не малая доля правды. Какова бы ни была сбивчивость и неопредѣленность идеаловъ социалистовъ-революціонеровъ, но до сихъ поръ только они одни рисковали свободой и жизнью за свои идеи, только они одни дѣлали попытки воплотить эти идеи въ жизнь, только они одни смѣло наносили самодержавію ударъ за ударомъ, хотя это не входило прямо въ ихъ задачу, только они были въ Россіи дѣйствующей, боевой партией. Либералы или молча выжидали, чѣмъ все это кончится, или скромно просили «правоваго порядка» и политическихъ вольностей, но и то не какъ естественнаго и неотъемлемаго права, отнятаго у народа монархіей, а какъ «единственнаго средства для успѣшной борьбы съ нарушителями государственнаго и общественного порядка» *).

Это обстоятельство не мало пренятствовало сближенію революціонеровъ съ либералами **). Относительно же вопроса объ экономическомъ обезпеченіи народа нельзя не признать стремленія значительной части либераловъ двусмысленными или по крайней мѣрѣ неопредѣленными, если судить по множеству писанныхъ и печатныхъ мнѣній, проэктовъ, программъ и пр. нѣкоторыхъ земствъ и либеральныхъ общественныхъ группъ за послѣдніе годы ***).

*) Такая постановка либеральныхъ требованій нѣкоторыми дворянскими и земскимъ собраніями, напр., харьковскимъ, 1878 г., и либералами печати, а ла «Голосъ», осуждена и въ напечатанномъ у насъ (№ 56) «Земскомъ голосѣ»; ея нѣтъ, напр., въ адресѣ черниговскаго земства 1878 г., предложеніяхъ петербургскихъ дворянъ противъ административной высылки, или въ заявленіяхъ разныхъ земствъ о необходимости созыва представителей земства для разсмотрѣнія проэктовъ административной реформы. (Ред.)

**) По поводу этого можно бы было сказать многое, но ограничиваемся пока вопросомъ: гдѣ и когда былъ сдѣланъ «честный опытъ» такого сближенія? (Ред.)

***). И въ русской «либеральной печати», и въ нѣкоторыхъ земскихъ проэктахъ можно найти, м. б., не очень радикальные, но во всякомъ случаѣ вовсе

Для примѣра возьмемъ лежащую передъ нами «Программу Земскаго Союза». Эта программа, составленная, повидимому, паскоро, заключаетъ въ себѣ много неяснаго, недосказаннаго, требующаго поясненій; кое-что, съ чѣмъ нельзя согласиться или можно спорить; а самый главный ея недостатокъ въ томъ, что писавшіе ее не объясняютъ, какъ, когда и какими средствами они намѣрены добиться ея осуществленія, а это очень важно и для публики, и для успѣха самого дѣла *). Но насъ занимаетъ теперь не это. Мы надѣемся, что за программой не замедлятъ появиться подробныя объясненія и дополненія отъ выработавшаго ее политическаго общества, которому, замѣтимъ кстапи, мы не можемъ не пожелать полнаго успѣха. Мы коснемся на этотъ разъ только затронутого нами вопроса.

Едва ли найдется хоть одинъ революціонеръ, который отказался бы принять общую политическую часть программы «Союза».

«Земскій Союзъ», гласитъ программа, имѣетъ цѣлью достиженіе политической свободы народовъ Россіи. Подъ политической свободой «Союзъ» разумѣетъ самоуправленіе, 1) обусловленное признаніемъ и обезпеченіемъ за каждымъ членомъ государственнаго общежитія всей полноты правъ человѣческой и гражданской личности, 2) основанное на уравненіи тягостей общественной службы, на внутренней самостоятельности и взаимодѣятельности самоуправляющихся группъ.

Признаніе личныхъ правъ и ихъ обезпеченіе предполагаетъ:

а) отмену позорящихъ человѣческое достоинство наказаній;

не двусмысленные планы экономическихъ мѣръ въ пользу народныхъ массъ. Что же касается до изслѣдованія и изображенія бѣдственнаго состоянія этихъ массъ, то по чистой справедливости надо признать, что «легальная» либеральная печать, а равно и нѣкоторые земскія изданія сдѣлали по этой части все возможное и во всякомъ случаѣ безконечно больше, чѣмъ «русскіе социальные революціонеры» съ ихъ печатью, даже заграничною, которая, за исключеніемъ первыхъ выпусковъ «Впередъ», отличалась поразительною бѣдностью именно социально-экономическаго элемента, не говоря уже объ отсутствіи въ ней всякихъ положительныхъ плановъ, виѣ общихъ формулъ социализма, теперешнюю неприложимость которыхъ въ Россіи признаетъ самъ авторъ письма. Конечно, въ этомъ мало личной вины русскихъ социальныхъ революціонеровъ; вина эта болѣе лежитъ въ томъ, что русскіе социальные революціонеры начали свою революционную карьеру въ слишкомъ раннемъ возрастѣ, прежде чѣмъ приобрѣли знанія теоретическія и наглядныя, а равно и въ томъ, что слишкомъ слушались тѣхъ, кто проповѣдывалъ имъ неужность «буржуазныхъ» наукъ для революціи, а дальше уже въ томъ отщепенскомъ положеніи, въ какомъ находится русскій «нелегальный». Но фактъ остается фактомъ: всякій разъ, когда р. соц. революціонеръ чувствуетъ необходимость сколько нибудь иллюстрировать свои общія фразы, — онъ обращается къ работамъ презираемыхъ имъ «легальныхъ» людей и отъ себя представляетъ развѣ характеристическую оговорку, въ родѣ: «даже и №№ говорятъ о положеніи крестьянъ вотъ что». (Ред.)

*) На вопросъ: когда? никто отвѣчать не можетъ иначе, какъ: тогда, когда будемъ на столько сильны, чтобы справиться съ врагомъ. Сила же въ данномъ случаѣ дается широкой организацией, о которой, равно какъ и о цѣли ея — самоуправленіи, болѣе всего говорятъ напр. «В. С.» Средства указываются моментомъ и напередъ ихъ всѣхъ предусматрѣть нельзя. Впрочемъ, нѣкоторыя средства были указываемы и въ «В. Словѣ», напр., въ 37 №, въ которомъ даны были нѣкоторыя свѣдѣнія о Земскомъ Союзѣ, — напр. лишеніе правительства финансовыхъ силъ, что могутъ сдѣлать земства, отказавшись отъ раскладокъ, равно какъ и другихъ своихъ функций, если правительство не приметъ предложенныхъ ему земствами условий порядочнаго управленія. (Ред.)

б) уничтожение на всегда всяких мѣръ насильственного (не по суду) удаления изъ общества его членовъ;

в) свободу передвижений, избраніе мѣста жительства и занятій;

г) неприкосновенность домашнего очага;

д) свободу слова, сходокъ и товариществъ;

е) свободу совѣсти и публичнаго совершенія богослуженія и религиозныхъ обрядовъ не противныхъ общественной нравственности, безъ различія вѣроисповѣданій. при чемъ логическимъ требованіемъ является обращеніе церквей изъ государственнаго учрежденія, поддерживаемаго государственной властью и содержимаго правительственными поборами, въ частныя учрежденія обществъ вѣрующихъ;

ж) полный и повсемѣстный кресторъ частной предпримчивости на пользу общую;

з) право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ агентовъ власти;

и) право частнаго обвиненія должностныхъ лицъ и учреждений;

к) охрану вытекающихъ изъ правъ властью мѣстнаго выборнаго суда.

Для постановки самоуправленія на прочномъ основаніи и согласно требованіямъ социальной справедливости, полагается необходимымъ:

III) Доставить возможность общественнымъ силамъ группироваться по бытовому и національному ихъ средству и представляющему изъ него единству интересовъ, народныхъ міровоззрѣній и стремленій къ совокупной политической жизни, посредствомъ образованія областей, какъ самостоятельныхъ органовъ государственнаго общегітѣ.

IV. Уничтожить всякій произволъ и насильственность въ дѣйствіи и развитіи государственной жизни посредствомъ передачи законодательной власти и контроля надъ дѣйствіями правительства въ руки народныхъ представителей, т. е. Государственной Думы.

Повторяемъ, подъ этимъ не можетъ не подписаться любой радикаль-революционеръ, серьезно и искренне относящійся къ дѣлу дальнѣйшаго проведенія въ жизнь своихъ идеаловъ. Но, къ сожалѣнію, будучи только политической, «Программа» обходитъ молча экономическіе вопросы и касается интересовъ рабочей массы какъ-то вскользь, точно мимоходомъ, введя ихъ въ кругъ вѣденія областныхъ собраній: «д) инспекторскій надзоръ, посредствомъ особыхъ коммиссій или чрезъ приглашенныхъ специалистовъ, за фабриками или заводами, за эксплуатаціей минъ, лѣсовъ, за производствомъ разныхъ промысловъ и содержаніемъ путей сообщенія; а также составленіе инструкцій по сему надзору; ж) мѣры попеченія о народномъ благосостояніи, въ особенности же о благосостояніи трудящихся классовъ, изысканіемъ и приведеніемъ въ исполненіе способовъ наиболѣе производительнаго приложенія труда».

Вотъ и все, что сказано въ «Программѣ» объ обезпеченіи благосостоянія рабочаго народа. Это—почти ничего. Мы охотно готовы думать, что это произошло неумышленно, благодаря снѣнности и незаконченности редакціи программы, но подобныя крупныя упущенія даже неумышленно непростительны *).

*) «Упущенія» эти, какъ называетъ ихъ авторъ, пронеходить просто потому, что передъ нимъ лежалъ брошюра, прямо и названная «Политическая Программа Земскаго Союза». Экономическая программа Союза—дѣло особое, какъ можетъ еще явиться особо и программа культурная. Основанія экономической программы Земскаго Союза отчасти извѣстны заинтересованнымъ людямъ въ Россіи и даже русской эмиграціи, — послѣдней, благодаря циркулированію въ разныхъ кружкахъ, жандариско-Игнатьевской «Докладной Записки № 11 о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противуправительственныхъ сообщеніяхъ не столь вредныхъ съ 1 февраля по 1 июня 1882

Признавая, какъ мы упиали выше, непригодность социалистическихъ системъ для переустройства современнаго социально-экономическаго быта Россіи, нельзя, однако, не признать важнаго и преобладающаго значенія въ ея народной и государственной жизни аграрнаго вопроса, безъ разрѣшенія котораго немыслимъ никакой сколько нибудь серьезный и прочный государственный переворотъ. Сельское населеніе и аграрный вопросъ до такой степени преобладаютъ и сказываются во всѣхъ проявленіяхъ русскаго государственнаго общегітѣ, что всякая политическая партія, выступающая на арену борьбы съ самодержавіемъ и деспотическимъ строемъ, обходя и не затрагивая этотъ вопросъ, готовитъ себѣ полное и громкое фіаско. Она не можетъ встрѣтить поддержки въ массѣ населенія, естественно думающей прежде всего о своихъ матеріальныхъ нуждахъ; она вызываетъ недовѣріе среди радикаловъ-революционеровъ, которые, такъ или иначе, пока остаются самой энергической дѣйствующей партіей и при сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ несомнѣнно удесятерять энергію и найдутъ себѣ тысячъ адептовъ и сторонниковъ.

года». (Записка эта, не безынтересная во многихъ отношеніяхъ, есть и у насъ, но мы ее не печатаемъ, хотя она послужила нѣкоторымъ господамъ оружіемъ къ своего рода шантажу и противъ нашей газеты,—такъ какъ эта записка, составленная на скорую руку, для перенуганія царя, и силившаяся представить ему, что «Земскій Союзъ» близокъ, съ одной стороны, съ революціонерами, въ родѣ Тигра и Телалова, а съ другой съ Д. Охраной,—заключаетъ въ себѣ много вранья, печатавъ которое, мы бы должны были опровергать его, — а зачѣмъ же поправлять ошибки врага? «Дураковъ» же и шантажниковъ, охранителей, какъ и воображающихъ себя революціонерами, все равно «не убавишь въ Россіи». Впрочемъ эта записка напечатана въ польскомъ переводѣ въ газетѣ «Nowa Reforma»). Такъ вотъ и въ этой запискѣ народникъ Игнатьевъ плакался на Земскій Союзъ за его намѣреніе упразднить подушную подать и выкупные платежи, за предложеніе финансовой операціи, клонящейся къ даровому надѣленію бывшихъ помещичьихъ крестьянъ, временно обязанныхъ и получившихъ четвертной или уменьшенный надѣлъ, вытекъ нормою надѣла данной мѣстности съ обращеніемъ расхода на этотъ предметъ на государственный заемъ, — установить обложеніе пропорціонально имуществу каждаго, урѣзание повинностей, постепенную отмену косвенныхъ налоговъ, начиная съ предметовъ всеобщаго потребленія и т. п.—Въ настоящее время экономическая программа Земскаго Союза обсуждается въ подробностяхъ заинтересованными людьми въ Россіи, что составляетъ причину въ замедленія распространенія въ широкихъ размахѣ Политической Программы. Мы лично позволимъ себѣ высказать по этому поводу мнѣніе, какъ видно, несогласное съ мыслями, какъ автора статьи, такъ и многихъ членовъ Земскаго Союза. Мы, конечно, не менѣе всякаго другого признаемъ необходимымъ для Россіи широкія социально-экономическія реформы, — которыя, по нашему мнѣнію, должны составить первое дѣло восторжествовавшаго надъ самодержавной бюрократіей земскаго самоуправления, — но мы думаемъ, что и политическая программа этого самоуправления имѣетъ значеніе сама по себѣ, и, мало того, что она сама по себѣ можетъ скорѣе достигнуть результата, желаемаго между прочимъ и авторомъ письма, а именно объединенія всѣхъ борющихся съ самодержавіемъ элементовъ. Относительно социально-экономическихъ реформъ можетъ возникнуть у послѣднихъ большія разногласія. Мы, напр., первые находимъ начертанія выше экономическихъ мѣръ, а равно какъ нѣкоторые нѣястные земские на этотъ счетъ проекты недостаточными. По всей вѣроятности, авторъ письма окажется еще радикальнѣе насъ, — а между тѣмъ и мы, и онъ совершенно сходимся въ сочувствіи положеніямъ, которыя онъ беретъ изъ «Политической программы Земскаго Союза». (М. Д.)

Мы привѣтствуемъ проявленіе политической инициативы въ нѣдрахъ русскаго общества, въ особенности среди осѣдлаго, прочнаго, знакомаго съ мѣстными нуждами и практическими запросами жизни и тѣсно связаннаго съ нимъ земскаго элемента. Но мы позволяемъ себѣ напомнить ему о существенной сторонѣ всякаго политическаго переворота, и въ особенности въ Россіи, объ аграрномъ вопросѣ и обезпеченіи экономическаго быта массы, безъ чего ни одна политическая программа не встрѣтитъ сочувствія и довѣрія, ни одна политическая попытка не можетъ имѣть сколько нибудь прочнаго успѣха. Даже тѣ, кому это непріятно, волей-неволей должны признать фактъ и помириться съ нимъ. На почвѣ политическихъ правъ и ни для кого необиднаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, по нашему мнѣнію, возможенъ хоть временный союзъ различныхъ политическихъ направленій въ русскомъ обществѣ.

Въ заключеніе, мы думаемъ, что въ настоящее время, когда самодержавіе истощилось, въ конецъ подорвано и держится только по традиціи до перваго сильнаго вѣтра, и когда, съ другой стороны, въ русскомъ обществѣ начинается обнаруживаться замѣтное политическое броженіе, — всѣ оппозиціонные, революціонные и недовольные современными порядками элементы и группы должны хоть на время забыть раздѣляющія ихъ подробности, пойти на взаимныя уступки и силиться въ дружномъ успѣхѣ нанести послѣдній ударъ самодержавію, чтобы на мѣстѣ его воздвигнуть такой порядокъ вещей, который предоставилъ бы всѣмъ партіямъ возможность проводить въ жизнь свои идеалы путемъ мирной идейной и организаціонной пропаганды. Для этого, социалистамъ-революціонерамъ необходимо на время отложить въ сторону требованія социалистическаго катехизиса и ограничиться непосредственно-осуществимыми запросами русской дѣятельности; а конституціоналистамъ—болѣе открыто, искренно и активно выступить на борьбу съ самодержавной монархіей, не отягчиваясь вѣроподобными намеками на «правовой порядокъ».

4.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

(Окончаніе).

По вліянію жандармствующихъ крѣпостниковъ, вдругъ послѣдовавъ высочайшій рескриптъ 25 Декабря 1873 года, Министру Нар. Просвѣщенія, въ разрѣзъ и съ Положеніемъ 1864 г., и съ стремленіями общества, высказаннаго, съ учрежденіемъ земствъ, изъ сего времени, и съ самими даже бюрократическими стремленіями министерства нар. просвѣщенія. Въ рескриптѣ этомъ самодержецъ выразилъ опасеніе, что народныя школы, или иначе то, что въ предначертаніяхъ Его, должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ поместнаго наблюденія, быть обращено въ ордіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему у уже и обнаружены нѣкоторыя вѣроуверенія, и отклонить его отъ тѣхъ вѣроувереній, подъ сѣнію которыхъ, въ теченіе вѣковъ, собиралась, крѣпла и возмечивалась Россія». Министру повелѣвалось «обратиться

къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ, въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ (???), на основаніи правъ, которыя имъ будутъ (!) предоставлены особымъ о томъ постановленіемъ, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственного направленія этихъ школъ, а также къ ихъ обезпеченію и размноженію».

Удивительный рескриптъ этотъ впутывалъ въ дѣло народнаго образованія элементъ словесный, къ нему равнодушный, не припи- мающій непосредственнаго участія въ тяго- тахъ содержанія нар. школъ и, какъ не имѣ- ющій на то особыхъ суммъ, и не могущій принимать его,—и вообще могъ только вне- сти въ школьное дѣло, и безъ того избыт- ющее опекунами, новую пертурбацію. По счастью, абсолютная пассивность нашихъ предводителей дворянства сдѣлала то, что рескриптъ 25 Дек. 1873 г. не имѣлъ почти никакихъ послѣдствій, кромѣ нѣкотораго по- ощенія доносовъ на школьных дѣятелей, среди которыхъ верховная власть признала существованіе попытокъ «нравственнаго рас- тлѣнія народа». Характерно, во всякомъ случаѣ, что въ обществѣ были голоса, кото- рые привѣтствовали рескриптъ этотъ, въ на- деждѣ, что предводители дворянства, какъ элементъ все такъ земскій, могутъ парализи- ровать значеніе инспекторовъ нар. школъ, элемента несомнѣнно полицейскаго.

Но вышедшее въ 1874 году новое По- ложеніе о Нар. училищахъ разбило и эти ожиданія. Оно дало предводителямъ дворян- ства права председателей учил. совѣтовъ, по самимъ этимъ совѣтамъ дало только формаль- ное и второстепенное значеніе,—а всю силу «завѣдывающіе школами» отдало въ руки ди- ректоровъ народныхъ училищъ и двухъ ихъ помощниковъ на губернію*). Эта инспекція, на затрачиваемыя на которую суммы можно бы было открыть 700 школъ, имѣетъ всего ме- нѣе педагогическій характеръ. Въ лучшихъ случаяхъ она ограничивается канцелярщиною, — а часто она занимается изобрѣтеніемъ прямыхъ преніяетствій народному образованію, особенно борьбою со всякими на этотъ счетъ начинаніями земскихъ людей.

Быть дѣйствительно педагогической ин- спекціей, т. е. представлять изъ себя экс- пертовъ — руководителей для народныхъ учителей, названные чиновники не имѣютъ даже возможности. Въ 1879 г. по 30 гу- берніямъ насчитывалось начальныхъ школъ около 9000, инспекторовъ же было по 2 на губернію, слѣдовательно на каждого ин- спектора приходилось по 150 школъ, а такъ, какъ учебныхъ дѣей въ сельской школѣ бываетъ около 150, то, значить, инспекторъ который пожелалъ бы осмотрѣть въ годъ всѣ школы въ его участіи, могъ бы побывать

въ каждой изъ нихъ только по одному дню. Принимая же во вниманіе переѣзды, въ иныхъ губерніяхъ весьма длинные, мы получимъ, что инспекторы въ иныхъ мѣстахъ не могутъ по- святить на обзоръ каждой школы въ году больше 1 — 2 часовъ. Въ дѣйствительности перѣдки инспектора, которые по годамъ не являются въ школы и ограничиваются одной канцелярской работой, — въ родѣ того ин- спектора, который въ самомъ собраніи бѣло- зерскаго земства, «на упрекъ земства въ томъ, что онъ не ревизуетъ училищъ, даже образцовыхъ, смѣло и рѣшительно отвѣтилъ, что по 10 августа у него 2000 нумеровъ исходящихъ». Другіе инспектора и сами не исполняютъ даже своихъ формальныхъ обя- занностей, и представителямъ земства испол- нять ихъ не даютъ. Такъ, въ 1879 г. пов- городская земская коммиссія жаловалась, что «у инспектора пѣтъ даже времени на простое посѣщеніе даже образцовыхъ пра- вительственныхъ школъ, что въ настоя- щемъ году даже окончательные экзамены во всѣхъ образцовыхъ училищахъ произведены подъ предсѣдательствомъ членовъ училищна- го совѣта. Это послѣднее крайне не удобно въ томъ отношеніи, что г. инспекторъ отри- цаетъ даже право у члена училищнаго совѣ- та, производившаго экзаменъ, давать отчетъ о положеніи училищному совѣту». Подоби- ныя жалобы раздаются съ разныхъ кон- цовъ Россіи (изъ земства Саратовской губ., Черниговской и др.). Въ виду этого цѣлый рядъ земствъ уѣздныхъ и губернскихъ ходатайствовали о разрѣшеніи земству имѣть своихъ инспекторовъ — и, конечно, ходатай- ствовалъ напрасно.

Впрочемъ, какъ мы сказали, формалисти- ка и педагогическое бездѣйствіе чиновниковъ-инспекторовъ составлять еще наименьшую изъ бѣдъ, ими напосланныхъ. Многіе изъ нихъ пользуются широкой властью, предоставлен- ной имъ по Положенію 1874 г., для пре- слѣдованія учителей и закрытія школъ. Такъ, о ставропольскомъ директорѣ народн. школъ газета «Кубань» сообщаетъ цѣлый рядъ курь- езовъ, разясняющихъ причины, почему за полугодичное управленіе этого чиновника уволено было и уволилось, по невозможности службы съ такимъ человѣкомъ, 53 учи- теля! Отъ учителей, принимаемыхъ директо- ромъ у порога, требуется, напр., отвѣтъ : не—«хорошо»,—а «слушаю-съ»! Учитель двух- класснаго училища, прослужившій 18 лѣтъ, представленъ къ увольненію за то, что до- пустилъ законоучителя написать попечителю о пудобноисполнимости распоряженій дирек- тора касательно преподаванія Закона Божія.

Такъ, слабужскій инспекторъ, котораго зем- ство имѣло неосторожность выпросить себѣ у министерства и которымъ назначено жало- ваніе за невозможностью имѣть своего ин- спектора, въ 1877 г. не доставилъ управѣ отчета о школахъ, а вмѣсто того вступилъ съ нею въ препирательства. Ревизіонная ком- миссія, разсмотрѣвъ эти препирательства, просила земское собраніе предложить г. ин- спектору оставить службу земству, а если онъ этого не исполнитъ, то ходатайствовать передъ правительствомъ о его удаленіи.

По истинѣ цѣлую эпопею составляютъ страданія земства и школъ Бердянскаго у., Таврич. губ., отъ двухъ инспекторовъ, кото-

рыхъ названное земство тоже выпросило се- бѣ, точно лягушки царя. Мы уже видѣли, что Тавричская губернія занимаетъ первое мѣсто по относительному количеству денегъ, отпускаемыхъ въ ней земствомъ на народ- ныя школы. Бердянскій же уѣздъ этой гу- берніи имѣетъ наиболѣе школъ (88)*). Вотъ земство этого уѣзда еще въ 1872 г. ходатайствовало о назначеніи ему особаго ин- спектора, принимая содержаніе его на свой счетъ. Ходатайство это разъ было отклоне- но, но, наконецъ, въ 1877 году въ Бер- дянскъ былъ назначенъ инспекторомъ г. Га- русовъ, прославившійся уже раньше тѣмъ, что будучи рекомендованъ, по просьбѣ хер- сонскаго земства, петербургскимъ педагогич- ескимъ обществомъ въ руководителю мѣст- наго учительскаго съѣзда, онъ обнесъ передъ попечителемъ округа почти всѣхъ народныхъ учителей, какъ людей политически неблаго- надежныхъ, послѣдствіемъ чего было рас- поряженіе объ ихъ увольненіи. Доносясь же руководитель былъ сдѣланъ инспекторомъ гимназій. Въ 1877 году пѣтъ наградили шко- лы Бердянскаго уѣзда. «Какъ ни лестно бы- ло для нашего земства, писала потомъ бер- дянская управа, — видѣть хотя одинъ разъ уснѣхъ въ своемъ ходатайствѣ, но оно во- скорости глубоко пожалѣло о томъ, что воз- будило это ходатайство». Г. Гарусовъ «всѣ инструкции и указанія училищнаго совѣта и управы относительно преподаванія отмѣнилъ, не давъ взамѣнъ ничего, и отъ этого въ школахъ явился хаосъ, порожденный въ осо- бенности несистематичностью, непрактично- стью и противурѣчивостью дѣлаемыхъ ин- спекціей распоряженій въ дѣлѣ преподаванія, такъ что учителя положительно растерялись, не зная, какому изъ циркуляровъ подчинять- ся... Лучшие учителя, запуганные инспектор- скимъ могуществомъ «удалили каждого од- нимъ почеркомъ пера»,—что онъ, г. Гарусовъ, заявлялъ всѣмъ и каждому,—начали бросать уѣздъ, а когда инспекторъ, для укрѣпленія своего могущества, ввелъ на нѣкоторыхъ учителей обвиненія въ политической неблаго- надежности, — обвиненія, вполнѣдствіи со- вершенно не оправдавшіяся, то на учителей паналъ такой паническій страхъ за свою судь- бу, что они не знали, что имъ дѣлать». На просьбы управы о прекращеніи такихъ рас- поряженій, которыя безъ всякаго основанія увольняли и перемѣняли учителей и оставя- ли безъ учителей школы въ учебное время, — г. Гарусовъ отвѣчалъ: «считаю долгомъ предупредить управу, что я не буду вовсе отвѣчать ни на какія отношенія ея, въ ко- торыхъ будутъ заключаться разсужденія о причинахъ уснѣха или безуспѣшности школъ». Самъ мѣстный предводитель дворянства считалъ долгомъ напоминать министру нар. просвѣщенія о томъ, что образъ дѣйствій г. Гарусо- ва «тягостенъ для всѣхъ», по это ни къ чему не повело. Избавилъ Бердянскъ отъ г. Гарусова, только гр. Тотлебенъ, одесскій ге- нералъ-губернаторъ, облеченный въ 1879 г.

*) Мы сосредоточиваемъ вниманіе читателя на административной сторонѣ Положенія о нар. учи- лищахъ 1874 г. Но считаемъ нужнымъ напоминать, что это Положеніе съ педагогической стороны яв- ляется крайне страннымъ стѣсненіемъ — сущности образованія, такъ какъ оно установило (incredible memoratui) предѣлъ, и крайне низкій предѣлъ, обу- ченія въ начальныхъ народныхъ училищахъ: крат- кій катихизисъ и св. исторія, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, первыя четыре дѣйствія арифметики и церковное пѣніе, гдѣ воз- можно. О разширеніи этого предѣла ходатайство- вали многія земства, разумѣется, тщетно.

*) Министерство народн. просвѣщенія содержитъ изъ этихъ школъ только одну! — По числу учи- никовъ въ нар. школахъ Бердянскій уѣздъ — пер- вый въ Россіи (5.955 уч. въ 1877 г.; въ Никол. уѣздѣ, Самарской губ. — 5.917) Земское представит. въ Бердянскомъ уѣздѣ раздѣляется такъ: гласныхъ отъ крупныхъ землев. — 4, отъ города — 10, отъ сельскихъ обществъ — 6.

диктаторской властью, которому местные влиятельные люди успели растолковать поведение воинственного инспектора. Гр. Тотлебенъ, «разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію г. инспекторомъ въ политическую неблагонадежности одного учителя (а извѣстно, что гр. Тотлебенъ «крамоль» далеко не мирволитъ), призналъ дѣйствіи инспектора на столько пристрастными, что не считалъ возможнымъ имѣть долѣе такого чиновника на службѣ.

Впрочемъ, новый инспекторъ, г. Янковскій, оказался не лучше. Онъ тоже началъ безъ резоновъ изгонять учителей, и на просьбу управы прекратить гонения на одну учительницу, о которой самъ же сначала отзывался хорошо, — прислалъ отвѣтъ, въ которомъ, «начавъ рѣчь съ политическаго положенія Россіи и съ своихъ правъ, которыя онъ, въ виду этого, имѣетъ надъ всѣми, обвинилъ самую управу въ политической неблагонадежности». Дальше пошло еще хуже, — инспекторъ грозилъ управѣ отдать ее подъ судъ черезъ прокурора. Въ такія же отношенія сталъ инспекторъ и къ училищному совѣту. Г. инспектора поддерживалъ директоръ училищъ Таврической губ., который въ одной бумагѣ къ первому, датной въ августѣ 1880 г., не призналъ даже никакого права ни за предводителями дворянства, ни за членами училищнаго совѣта провѣрять знанія учениковъ на экзаменахъ, производимыхъ въ концѣ года, говоря, что такая повѣрка есть контроль надъ педагогическою властью». Курьезнѣе всего, что въ то время, когда гг. Гарусовъ и Янковскій такъ сражались съ бердянскими школами, таврическій губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1880 годъ докладывалъ, что «сельскія школы Бердянскаго уѣзда, будучи поставлены весьма рационально, вполне соответствуютъ своему назначенію», — противъ чего послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества отмѣтка: «очень отрадно». Когда, наконецъ, благодаря, между прочимъ, и послѣднему обстоятельству, бердянцамъ удалось избавиться и отъ г. Янковскаго, — третій инспекторъ писалъ, что въ 48 осмотрѣнныхъ имъ школахъ, онъ нашелъ «правильную постановку школьнаго дѣла и въ каждой видѣлъ доказательство попечительныхъ заботъ управы о снабженіи школъ всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго веденія преподаванія... Вездѣ проглядывалъ дѣятельное участіе земства, не жалѣющаго громадныхъ расходовъ для преуспѣянія народнаго образованія, установившаго во всемъ образцовый порядокъ, берегущаго школу, какъ дорогое дѣтище свое, и зорко слѣдящее за тѣмъ, чтобы все было направлено къ наилучшему состоянію школьнаго дѣла».

Это писалось уже по отвѣткѣ гр. Толстого, когда новый министръ заявлялъ публично о желаніи дѣйствовать солидарно съ земствомъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Какъ извѣстно, эта отгонецъ была кратковременна. Въ петербургской бюрократіи вновь воспреобладало воинственное противъ общества направленіе, а потому вновь загорѣлась и тупая вражда инспекторовъ противъ земства и его школъ.

Наибольшую свою тяжестью эта вражда падаетъ, конечно, на учительскій персоналъ, положеніе котораго по истинѣ невыносимо.

Еще въ 1873 г. самарскій гласный и, что интересно, священникъ Кульчинскій говорилъ: «положеніе учителей самое колеблющееся. Они контролируются и министерствомъ народного просвѣщенія въ лицѣ инспектора народныхъ училищъ, и членами училищнаго совѣта, и мировыми посредниками, и благоучинными, и мѣстными приходскими священниками, и членами волостныхъ правленій, и, наконецъ, мѣстнымъ обществомъ, въ лицѣ каждой отдѣльной личности, такъ что угодить на такую, съ различными взглядами, понятіями и убѣжденіями, корпорацию почти невозможно». Съ тѣхъ поръ количество начальства и придирчивость его къ учителямъ возросли еще болѣе. Въ 1880 г. черниговская земская коммиссія писала: «Та политическая струя, которая внесена въ провинціальную жизнь въ послѣдніе годы, привела къ вынужденности въ дѣла школы цѣлый рядъ вѣдомствъ и лицъ, не могущихъ оказывать никакой помощи школѣ съ положительной стороны, и все это поставило школьнаго учителя, который поставленъ подъ распоряженіе множества начальствъ, начиная отъ училищныхъ совѣтовъ, предводителей дворянства, директоровъ и инспекторовъ училищъ, земской управы, да становаго, урядника и, косвеннымъ образомъ, священника и волостнаго писаря, изъ которыхъ каждое предъявляетъ въ школѣ свои права и свои требованія, — въ такое положеніе, что онъ теряетъ, наконецъ, всякую почву, лишаясь возможности серьезно вести дѣло, требующее прежде всего нравственной увѣренности въ себя и спокойствія духа, а отсюда — фактъ постоянного скитанія учителей, бѣгство ихъ куда ни пошло изъ школы, лишь бы найги гдѣ нибудь спокойное положеніе». Подобнымъ же образомъ выражаются многіе представители земства и даже училищные совѣты. Такъ нижегородскій совѣтъ говоритъ: «если еще находится такіе самоотверженные учителя, которые добросовѣстно исполняютъ свое дѣло при такой обстановкѣ, то нужно удивляться этому, нужно радоваться еще и тѣмъ результатамъ, которые получаютъ теперь».

Этимъ мы закончимъ обзоръ исходящихъ отъ бюрократіи преніятей земской работѣ въ пользу народнаго просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь нашъ обзоръ борьбы чиновничества съ земствомъ. Полагаемъ, что изъ обзора этого ясно, до какой степени дѣйствительное положеніе земскихъ учреждений далеко отъ того самоуправленія, какого ожидать давали право даже заявленія представительской власти, не говоря уже о томъ, чего желало общество передъ введеніемъ земскихъ учреждений. Сопоставляя съ представленными нами фактами такія заявленія правительственныхъ лицъ, какъ, напр., слова объяснительной записки къ проекту Положенія о земскихъ учрежденияхъ, — что «завѣдываніе земскими дѣлами уѣздовъ и губерній предоставлено самому населенію уѣзда и губерніи», — потому-де, что «никто не можетъ усерднѣе и заботливѣе вести хозяйственное дѣло, какъ тотъ, кому оно принадлежитъ», — или слова министра внутр. дѣлъ въ представленіи проекта государственному совѣту, — что «при составленіи проекта имѣлось въ виду

облегчить переходъ отъ вышнѣхъ учреждений къ будущимъ», — мы видимъ, на сколько дѣйствительность, устроенная земскими учреждениями бюрократіей, обманула и ожиданія общества, и даже формальныя обещанія правительства. Вмѣсто самоуправления — даны были его неорганическія обрѣзки, вмѣсто развитія земскихъ учреждений 1864 г. въ будущемъ — послѣдовали искаженія даже даннаго.

Мы полагаемъ также, что бѣглый обзоръ земскихъ начинаній, постоянно прѣсѣкаемыхъ бюрократіей, убѣдитъ самаго пессимистически настроеннаго читателя въ томъ, что земскіе люди наши доказали присутствіе въ нихъ и пониманія нуждъ страны, и чувства всесловной справедливости, и усердія къ дѣлу, и что, при другихъ условіяхъ, земства наши сдѣлали бы для населенія безцѣрно больше, чѣмъ сдѣлали до сихъ поръ. Все будущее нашей страны зависитъ теперь отъ измѣненія этихъ условій, отъ устройства дѣйствительнаго земскаго самоуправления. Такая школа, которую прошли наши провинціальныя учрежденія, имѣетъ развѣ ту полезную сторону, что она должна была бы только убѣдить каждаго мыслящаго дѣятеля въ томъ, что безъ гарантій для самостоятельности этихъ учреждений никакое правильное дѣйствіе ихъ не возможно. Эти гарантіи не могутъ быть найдены въ государственнаго самоуправления!

3. С.

ПОЛОЖЕНІЕ СЕЛЬСКИХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ ИТАЛІИ. *) (Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Кто знаетъ, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находится земледѣліе въ Ломбардіи, въ сравненіи съ другими частями Италіи, тотъ можетъ показаться невѣроятнымъ, что положеніе бѣдныхъ земледѣльцевъ тамъ въ высшей степени плачевное. Между ними свирѣлствуетъ не дѣла гра **), которая убиваетъ

*) Конечно, при чтеніи этой корреспонденціи читатель вспомнитъ напечатанную въ № 58 статью г. Р. Ф. и, пожалуй, свернетъ всю бѣду положенія сельскихъ рабочихъ въ Италіи на завадную либеральную систему. Между тѣмъ было бы совершенно несправедливо складывать эту бѣду на систему, которая господствуетъ въ Италіи только въвиду того, что итальянскіе селяне виновато гораздо болѣе, — грѣхъ общихъ социальныхъ причинъ, — вѣковое господство феодальнаго абсолютизма. Но несомнѣнно, что и цензовый централистически-парламентскій либерализмъ виновенъ въ томъ, что до сихъ поръ ничто не сдѣлалъ для итальянскаго селянина, — благодаря чему Италія представляетъ страшное зрѣлище страны въ общемъ малонаселенной, съ громадными пустынями (въ Неап. обл., Сициліи, Сардиніи) и въ то же время страны, изъ которой происходятъ большая эмиграція и отхожіе промыслы на такія земляныя работы, въ родѣ того, какъ у насъ въ Бѣлоруссіи. Во всякомъ случаѣ я здѣсь уже являлся населенію просвѣтъ, — и оно стремится улучшить свое положеніе прежде всего самоорганизацией. Итальянскіе социалсты, какъ, напр., названный въ корресп. г. Коста, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мечтаній, по формулѣ Бакунина, о полномъ разрушеніи существующаго строя и о бунтовскихъ вслѣдствіяхъ въ ожиданіи его, — перешли къ систематической агитаціи въ пользу рабочихъ классовъ на почвѣ расширеннаго, а дальнѣе всеобщаго голодованія. Такая агитація вызвала и появленіе правительственныхъ и вообще консервативныхъ проектов соц. реформы, конечно, пока еще мертворожденныхъ. (Ред.)

**) Такъ называется болѣзнь, появляющаяся отъ употребленія въ пищу испорченнаго маиса. Она вы-

несчастных поселенцев во двѣтъ лѣтъ, наполняют больницы умопомѣшанными и обогащают хронику самоубійствъ. Въ то время, какъ правительственные комиссары, вмѣстѣ съ провинціальными и коммунальными совѣтами, вотъ уже сколько лѣтъ занимаются безплоднымъ «изученіемъ» причинъ пеллигры, землевладѣльцы, которые одни могли бы устранить эти причины, а съ ними — и самую болѣзнь, думая, вѣроятно, что размноженіе рода человеческого все равно идетъ своимъ чередомъ — оставляютъ гнить на плодородныхъ поляхъ и рисовыхъ плантаціяхъ несчастныя крестьянскія семьи, никогда не употребляющія въ пищу ни хлѣба, ни мяса, ни вина и живущія только на лентой (такъ называется мансовая мука, часто испорченная, сваренная на водѣ съ небольшимъ количествомъ соли). Въ нижней Ломбардіи и жилища крестьянъ какъ нельзя болѣе плохи; они часто состоятъ изъ одной комнаты съ землянымъ поломъ, превращающимся во время воя въ сплошную грязь, а покрыты они чѣмъ то болѣе похожимъ на рѣшетку (черезъ которую видно небо), чѣмъ на крышу.

Тѣ же самыя, а иногда даже худшія условія существуютъ въ венеціанской области, гдѣ заработная плата сельскаго работника не превышаетъ семи или восьми сантимовъ (около трехъ копѣекъ) въ часъ. Теперь тамъ (особенно въ провинціи Тревизо) происходитъ довольно серьезное броженіе, которое правительство хочетъ подавить — не оказаніемъ помощи жертвамъ голода, но посредствомъ вооруженной силы, арестовъ и судебныхъ преслѣдованій.

Даже газеты, защищающія теперешній экономическій и политическій строй, понимаютъ всю важность этого броженія и не могутъ удержаться, чтобы не упомянуть объ «истинныхъ причинахъ» безпорядковъ. Вотъ факты, сообщаемые ими.

Первые безпорядки возникли во владѣніяхъ цѣлой госпожи Дарэ, гдѣ мелкіе под-арендаторы и батраки учинили расправу надъ прикащиками и убили господскаго вола съ цѣлью напиться его мясомъ, будучи не въ состояніи выносить долѣе острое чувство голода. Событія эти вызвали аресты и судебное разбирательство, а въ парламентѣ министру внутреннихъ дѣлъ Депретису былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ рабочимъ депутатомъ Маффи и социалистическимъ депутатомъ Костой.

Госпожа Дарэ панимаетъ около 5000 камповъ земли въ провинціи Тревизо, которые она сдаетъ отъ себя въ аренду (под-аренду) крестьянамъ.

Въ тревизскомъ судѣ уже разбиралось дѣло четырехъ арендаторовъ этой самой Дарэ. Одинъ изъ нихъ, по имени Перони, рассказывалъ о притѣсненіяхъ, которымъ онъ подвергался вмѣстѣ съ другими крестьянами. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ болѣе не арендаторъ Дарэ, не имѣетъ припаса, и нѣтъ у него даже горсти муки, чтобы утолить голодъ своихъ дѣтей. Онъ просилъ у одного изъ прикащиковъ Дарэ немного манса и получилъ отъ него презрительный

отказъ. Въ эту минуту онъ вспомнилъ о бѣдственномъ положеніи своего семейства и, чтобы «устыдить» жестокаго прикащика, ударилъ его кулакомъ.

Другой крестьянинъ, по имени Де Россі, показалъ, что уже давно у него нѣтъ манса, что семь разъ онъ ходилъ къ «помѣщику» просить хлѣба и что однажды, когда онъ умолялъ ее дать ему Христа ради гектолитръ манса и говорилъ, что дѣти его плачутъ отъ голода и онъ не знаетъ, что ему съ ними сдѣлать — то Дарэ прервала его словами: «брось ихъ въ воду!» Далѣе онъ объяснилъ, до какой степени тяжелы и безчеловѣчны условія, на которыхъ Дарэ отдаетъ землю въ аренду крестьянамъ. Всѣ арендаторы Дарэ находятся въ крайней нищетѣ, хотя живутъ въ имѣніи, изобилующемъ скотомъ и зерновымъ хлѣбомъ.

Третій крестьянинъ, Зорзетто, много разъ тоже тицетно просилъ себя «чутьчку» манса. «Семейство мое, прибавилъ онъ, живетъ въ крайней нуждѣ; у насъ нѣтъ самаго необходимаго и при этомъ нѣтъ никакого кредита. Все у насъ беретъ госпожа. Въ послѣднюю пасху, чтобы имѣть возможность подарить ей ягненка, что обязательно, семейство мое принуждено было долго голодать».

Въ виду этихъ фактовъ, доказанныхъ документами и свидѣтельскими показаніями, судъ отложилъ дѣло на неопредѣленный срокъ и распорядился выпустить обвиняемыхъ изъ подъ ареста.

На судѣ выяснилось, между прочимъ, что г-жа Дарэ платитъ землевладѣльцамъ среднимъ числомъ по 23 лиры за кампо, а отъ крестьянъ беретъ по 46 лиръ за то же количество земли, и при этомъ отбираетъ отъ нихъ весь годовой продуктъ съ обѣщаніемъ дать къ зимѣ немного манса, а потомъ ничего давать не хочетъ.

«Въ Молино (провинція Тревизо) — читаемъ мы въ официальныхъ органахъ правительства — состоялось собраніе главныхъ мѣстныхъ торговцевъ и собственниковъ, на которомъ были обнаружены факты, если не оправдывающіе незаконныя дѣйствія крестьянъ, то въ значительной степени смягчающіе виновность послѣднихъ».

«Было дознано, что нѣкоторые крестьяне по нѣскольку дней питались древесной корой и травой; другіе собирали изъ сорныхъ кучъ выброшенные туда куриные внутренности, чтобы приготовить изъ нихъ немного бульона для своихъ больныхъ дѣтей».

«Арендаторы должны платить 10% за страхованіе господскихъ воловъ, за цѣлость которыхъ они отвѣчаютъ. Каждая крестьянская семья обязана доставлять въ годъ пятьдесятъ подводъ въ пользу хозяина и за всякое нарушеніе этого обязательства подвергается штрафу въ 20 лиръ».

«За каждую подводку вошки платятъ по 25 сантимовъ (около 8 копѣекъ) въ сутки, а за каждый день работы на хозяина крестьянинъ получаетъ по 30 сантимовъ. Но и эта скудная плата не выдается на руки, а записывается въ книжки въ счетъ погашенія старыхъ долговъ».

«Наконецъ, было обнаружено, что арендные контракты въ большинствѣ случаевъ сводятся просто на просто къ тому, что земле-

владѣлецъ получаетъ право брать все у крестьянина — кукурузу, вино, пшеницу и другіе продукты. Даже всѣ дрова принадлежатъ хозяину, а между тѣмъ, если какое нибудь дерево засохнетъ, то съ крестьянина взимается 20 лиръ штрафа».

Въ Римской компаніи болотныя лихорадки губятъ поселенцевъ во двѣтъ лѣтъ, и никто — ни правительство, ни землевладѣльцы — не позаботится объ осушеніи болотъ, которое не только улучшило бы санитарное положеніе крестьянъ, но увеличило бы до босновольныхъ размѣровъ и доходы собственниковъ.

Въ Неаполитанской области крестьяне поставлены въ тѣ же ужасныя условія жизни. Цѣлая семья живетъ тамъ въ одной сырой и смрадной горницѣ съ землянымъ поломъ, раздѣляя это помѣщеніе съ осломъ, свиньей и другими домашними животными. Ростовщики, заставляя платить себя слишкомъ 10% въ мѣсяць, разоряютъ мелкихъ землевладѣльцевъ, нуждающихся въ кредитѣ, а правительство за податныя недонмки въ нѣсколько сантимовъ велитъ продавать ихъ микроскопическіе клочечки земли.

Эмиграція изъ Неаполитанской и Венеціанской областей все усиливается. И тутъ несчастные крестьяне сплошь да рядомъ бывають обмануты безсовѣстными и алчными спекуляторами, агентами переселенческихъ конторъ.

Въ Сициліи работы въ рудникахъ производятся самымъ первобытнымъ способомъ, безъ всякихъ мѣръ, ограждающихъ рабочихъ отъ опасностей. Для работъ употребляется большое число дѣтей, которые принуждены таскать непосильныя имъ тяжести и вообще работать при такихъ условіяхъ, что добрая половина ихъ едва достигаетъ юношескаго возраста. Статистика несчастныхъ случаевъ въ этихъ рудникахъ показываетъ, что на каждую тысячу рабочихъ въ нихъ погибаетъ въ три раза больше людей, чѣмъ въ Англіи и Бельгіи, гдѣ добываніе каменнаго угля сопряжено съ меньшими трудностями и опасностями. Лучшей характеристикой положенія дѣлъ въ сицилійскихъ коняхъ могутъ служить правила, изданныя недавно ихъ администраціей, по которымъ рудокопъ, завѣдующій работами, долженъ быть человѣкомъ опытнымъ и отвѣчаетъ за всѣ ошибки, ведущія за собой несчастные случаи. Воспрещается употреблять на работу дѣтей моложе десяти лѣтъ (!). Ежедневная инспекція рудниковъ съ предохранительной лампой Дэви обязательна. Предписывается также тщательное изслѣдованіе галлерей для предупрежденія проваловъ и обваловъ. Каждый рудникъ долженъ имѣть своего врача и всѣ нужныя медицинскія средства для подаанія первой помощи. Какъ ни удивительно покажется читателю, что до сихъ поръ не соблюдались столь элементарныя правила, по еще удивительнѣе то обстоятельство, что почти всѣ владѣльцы рудниковъ не только не подчинились имъ, но запротестовали противъ «правительственнаго внимательства, нарушающаго принципъ и право собственности», и, прекративъ работу въ рудникахъ, оставили тысячи рабочихъ безъ хлѣба!

Недавно министръ земледѣлія, промышленности и торговли сочинилъ проектъ закона, который онъ окрестилъ громкимъ именемъ «соціального законодательства». Нѣкоторые

ражается сначала кожными явленіями (кожа краснѣетъ, сохнетъ, шелушится, трескается и покрывается волдырями), потомъ душевными и мозговыми расстройствами.

правительственные органы гораздо правильнее называют его «законом полиции труда». По этому проекту—который вряд ли будет обсуждаться в парламенте в текущем году—стачки рабочих не должны больше считаться преступлением. До сих пор итальянское законодательство все виды стачки признает преступлением, подлежащим наказанию. Оно воспрещает как стачки предпринимателей с целью понижения заработной платы или принуждения рабочих к получению части ее товаров, так и стачки рабочих «без уважительных причин» с целью повышения заработной платы. В последнем случае, т. е. при стачках рабочих, закон обыкновенно применяется строжайшим образом. Предприниматели наказываются тюремным заключением до одного месяца, рабочие—до трех месяцев, а главные зачинщики—до шести. Хотя предполагаемый новый закон не считает стачки рабочих преступлением, за то есть основание думать, что он разрешит также и стачки и патроны против рабочих, которые, впрочем, и в настоящее время—вопреки закону—всюду свободно практикуются. Провозгласив свободу стачек, предполагается наказывать строжайшим образом всякое подстрекательство к ним рабочих. Кроме того, предполагается законы, ограждающие женщин и детей от чрезмерного труда на фабриках и делающие предпринимателей ответственными за повреждения, причиненные рабочим от несчастных случаев во время работы, а также ряд мер для устранения причин неаппетитности—запрещение продажи и употребления испорченного мяса. Для распространения образования среди рабочих имется в виду учреждение земледельческих и ремесленно-технических школ. Рабочие ассоциации для взаимной помощи получать санкцию закона. Будет устроена национальная касса для выдачи пенсионных пенсий престарелым рабочим, фонд которой составит из особых взносов всех наиболее значительных кредитных учреждений Италии. Рабочие, желающие «застраховать» себя от старости в этой кассе, должны выплачивать ежегодно по двенадцати лир в течение 32 лет, по проставлении которых они получают право на пенсию в двенадцать сантимов (около четырех копеек) в день, т. е. ровно столько, сколько нужно для покупки пахотельного табаку! Несогласия между предпринимателями и рабочими должны разрешаться при посредничестве присяжных свидетелей людей (prudhomme) и пр.

Словом, «социальное законодательство» будет не более как пылью, которую правительственный либерализм попытается пустить в глаза итальянскому народу. К счастью, народ этот теперь уже не так поддается иллюзиям и обману; он понял мистификацию и заранее осудил пресловутое «социальное законодательство», прения по поводу которого принесут, впрочем, ту пользу, что дадут социалистическому депутату Косте удобный случай говорить против паллативов и изложить в парламенте свою программу.

Толки о реформе богоугодных учреждений теперь совершенно замолкли. Учреждения эти

представляют капитал в полтора миллиарда лир, которым должны бы пользоваться нуждающиеся классы. Но из этих сумм они получают только 31% с ренты (всегда в унизительной форме милостыни и при полном отсутствии сколько нибудь серьезного контроля), «между тем как остальные 69% идут чиповникам, служащим при богоугодных учреждениях, и правительству—в виде податей и налогов».

Как бы предполагаемая реформа не ухудшила еще более теперешнее положение вещей!...

А. Пистолези.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

IV. Административно-политические вопросы.

В прошлых статьях мы рассмотрели деятельность, или, лучше сказать, попытки деятельности земства по главным вопросам культурной и экономической жизни России. Читатель не мог, разумеется, не заметить того обстоятельства, что все эти попытки деятельности, выражающиеся как в мероприятиях земств, так еще больше в их тщетных ходатайствах перед правительством, не смотря на всю обусловленную законом и заботливо оберегаемую правительством разрозненность земств между собою, отличаются тем не менее общностью сознания потребностей и единодушием взглядов на способы их удовлетворения. Такое единодушие земств по всем главным внутренним вопросам и, кроме того, совпадение мнений его с требованиями, высказываемыми по тем же вопросам нашей сколько нибудь независимой прессой, дает нам, как кажется, право заключить, что, с одной стороны, наше земство является действительным и единственным представительством страны и что, с другой стороны, этому фактическому представительству не достает только очень немногочисленных, главным же образом энергической и единодушной настойчивости для того, чтобы освободиться от правительственно-административной опеки и стать в основании всей политической организации государства. Нам кажется, что мы найдем очень красноречивое подтверждение этого нашего вывода, если рассмотрим, вдобавок к предыдущему, еще те решения и заключения земств, которые относятся к области так называемых общегосударственных вопросов.

Несмотря на то, что все эти вопросы, к которым правительство причисляет обыкновенно все, о чем оно не желает допускать разсуждений, прямо по закону изымаются не только из сферы земской деятельности, но даже и обсуждения, — требования жизни складываются сами собою так, что земство или само по необходимости пользуется всяким удобным и возможным случаем, чтобы затронуть эти вопросы, или же само правительство принуждено бывать, помимо даже своего желания, обращаться к земству и спрашивать его заключения по вопросам, которые оно же само исключило из обычного круга дел, подлежащих ведению земских учреждений. Правда, что вследствие такого, полузапрет-

ного прикосновения земств к таким делам, земские мнения по ним высказываются далеко не всегда прямо, но почти всегда достаточно ясно, далеко не всегда радикально, иногда даже в искренно или неискренно-реакционном духе (как, напр., некоторые земства по вопросу о «преступной пропаганде»), но почти всегда в оппозиционном по отношению к нынешней правительственной системе. Сведение всех этих прямых, или косвенных заявлений земств дает нам понятие о тех дезидератах относительно изменений в государственном строе России, которые являются пока еще не предъявленными решительно и императивно, но, по видимому, вполне сознательными уже и довольно единодушно разделяемыми требованиями земства. Такую суммировку этих земских заявлений, мы считаем тем более необходимой, что, так или иначе, во момент окончательного и решительного предъявления правительству земством своих прав предстоит, вероятно, не в особенно далеком будущем; наступающая же коронация и связанный с нею съезд представителей всего русского земства в Москве—естественно напоминают о необходимости приближения этого, давно уже всеми желанного момента.

Приступая к рассмотрению заявлений земства по общегосударственным вопросам, мы прежде всего обратим внимание на земские проекты организации сельских общин и волостей. В прошлом №, мы коснулись свою земскую хронику упоминаем о тех неурядицах заявлениях, которые были сделаны правительству земствами, по поводу вопроса о внутренних платежах. Не менее неприятные вещи пришлось услышать правительству и по вопросу о преобразовании местных по крестьянским делам учреждений. Мы имеем перед собою заключение по этому поводу этого раз земств и должны сказать, что почти всеми нами вопрос о крестьянских учреждениях был понят во всей его широте и с полным сознанием его чрезвычайной важности. По обстоятельству разработки, одно из первых мест в ряду этих земских заключений принадлежит проекту херсонского земства, представляющему собой довольно верно поставленные и отчетливо выработанные основания устройства всесословных сельской общины и волости. Так как основания эти составляют краеугольный камень общегосударственного земского строя, в смысле народного самоуправления, то мы считаем необходимым остановиться на проекте херсонского земства с особым вниманием, тем более, что проект этот представляет наиболее разработанную часть того, что заявлено земствами вообще по вопросам государственной организации.

Выходи из того положения, что земство в силу своих естественных отношений к крестьянству больше, чем кто нибудь другой в состоянии заняться организацией сельских и волостных учреждений, херсонский проект находит, что организация эта должна быть предоставлена именно земству, причем, разумеется, должны быть устранены все препятствия и установлены такие порядки, который давал бы земству во-

возможность стоять в более непосредственной и действительной близости, как к крестьянству, так и к правительству. Основы такого порядка должны заключаться: а) в немедленном и обязательном выкупе всех крестьянских земель, б) в утверждении в правах собственности бывших государственных поселений и колонистов, в) в упразднении всех существующих уездных и губернских по крест. дѣламъ присутствій, а также волостныхъ управлений, г) в передаче дѣлъ этихъ учреждений, касающихся поземельного устройства крестьянъ, — уезднымъ земскимъ управамъ и д) в установлении для заведывания всеми дѣлами, относящимися к мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и общественнымъ пуждамъ каждой сельской общины и волости, — сельскихъ и волостныхъ земскихъ учреждений.

Учреждения эти проектируются херсонскимъ земствомъ слѣдующимъ образомъ:

Сельскія учреждения. 1) Сельское управление состоитъ изъ сельскаго старосты и двухъ членовъ; 2) сельскій староста и члены правленія, избираются сельскимъ всесословнымъ сходомъ на три года; 3) всеословный сельскій сходъ составляетъ крестьянское общество и все лица, имѣющія какое либо имущество въ районѣ участка, или занимающіяся торговлею и промышленностью, въ томъ участкѣ, не менѣе года, а также лица духовнаго вѣдомства, съ тѣмъ, чтобы участвующіе въ сходѣ имѣли не менѣе 25 лѣтъ отъ роду; 4) всеословный сельскій сходъ избираетъ каждое трехлѣтіе, кромѣ сельскаго управления, гласныхъ въ волостное земское собраніе, сборщиковъ податей и сельскаго полицейскаго надзирателя, съ кандидатами; 5) для обсужденія дѣлъ, подлежащихъ вѣденію всеословнаго сельскаго схода, такой сходъ собирается заблаговременно до волостнаго земскаго собранія; 6) постановленія всеословнаго сельскаго схода, на которыя послѣдуютъ жалобы, представляются на усмотрѣніе и утвержденіе волостнаго земскаго собранія; 7) для веденія же собственно общественныхъ дѣлъ, касающихся поземельнаго устройства, сельскій сходъ собирается по созыву сельскаго управления изъ однихъ крестьянъ во всякое время, когда укажетъ на то надобность. Частныя жалобы на постановленія такихъ сходовъ поступаютъ въ волостную земскую управу.

Волостныя учреждения. 1) Волостныя земскія учреждения суть: волостное земское собраніе и волостная земская управа. 2) Волостное земское собраніе составляютъ: гласные, избираемые отъ общества сельскихъ, все землевладѣльцы, имѣющіе въ районѣ волости имущественный цензъ въ 50 десятинъ земли, и все лица, занимающіяся въ районѣ волости какою либо промышленностью или торговлею, на сумму не менѣе 150 р., а также и приходскіе священники *). 3) Волостное земское собраніе каждое трехлѣтіе избираетъ изъ среды своей волостнаго голову и членовъ волостной земской управы, нужное число уполномоченныхъ въ уездный избирательный съездъ,

*) Детальная разработка должна показать, какое отношеніе имѣлъ бы тутъ элементъ цензовой — къ безцензовому. (Ред.)

волостнаго мирового судью, волостнаго полицейскаго надзирателя и кандидатовъ къ нему. 4) Предсѣдателя волостнаго земскаго собранія избираетъ волостное земское собраніе на три года, а до избранія предсѣдательствуетъ волостной старшина. . . . 6) Волостная земская управа состоитъ изъ предсѣдателя, волостнаго головы и отъ двухъ до четырехъ членовъ. 7) Для обсужденія дѣлъ, подлежащихъ вѣденію волостнаго земскаго собранія, оно собирается каждый годъ заблаговременно до уезднаго земскаго собранія; такія собранія называются очередными. 8) Тѣ постановленія волостныхъ земскихъ собраній, на которыя будетъ заявленъ протестъ, переносятся на обсужденіе въ уездныя земскія собранія. 9) Все должностныя лица должны быть грамотны.

Судебныя учрежденія. 1) Существующій волостной судъ упразднить. 2) Въмѣсто упраздненнаго волостнаго суда избирается въ волостномъ земскомъ собраніи волостной мировой судья. 3) Въ волостныя суды должны быть избираемы лица, имѣющія образовательный цензъ, указанный въ статьѣ 19 учред. суд. уст., но за исключеніемъ имущественнаго ценза.

П о л и ц і я. 1) Существующіе въ настоящее время урядники, сотскіе и десятскіе упраздняются. 2) Все дѣла, подлежащія исключительно вѣденію органовъ полиціи, сосредоточиваются исключительно въ распоряженіи волостнаго полицейскаго надзирателя, которому подчинены сельскіе полицейскіе надзиратели. 3) Кандидаты на должности волостныхъ и сельскихъ полицейскихъ надзирателей утверждаются администраціей.

Передавши почти цѣлкомъ проектъ херсонскаго земства, мы не имѣемъ надобности останавливаться надъ подобными же проектами другихъ земствъ, между которыми отличаются особенной полнотой и разработанностью проекты земствъ: черниговскаго, стародубскаго, петербургскаго, костромскаго, новгородскаго и проч. *). Все они болѣе или менѣе сходны въ общихъ положеніяхъ съ херсонскимъ проектомъ и отличаются отъ него, только степенью разработки и нѣкоторыми деталями, относительно, напр., ценза и т. п. Не можемъ же упомянуть, при этомъ случаѣ, о томъ, что слитіе крестьянскаго управления съ земствомъ было найдено вполне целесообразнымъ и необходимымъ даже однимъ изъ недавно ревизовавшихъ губерніи сенаторовъ. По мнѣнію этого сенатора, для того, чтобы земства могли осуществлять тѣ мѣропріятія, которыя предпринимаются ими для блага крестьянъ, необходимо слить крестьянское управленіе съ земствомъ, съ тѣмъ, чтобы вся мѣстная администрація (за исключеніемъ городского управленія) была ввѣрена лицамъ, выбираемымъ земскими собраніями, при единственномъ условіи образовательнаго ценза. Мнѣніе это передано для обсужденія въ так. наз. кохаповскую комиссію. О. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

„На родинѣ“, № 3. (Женска. Волин. р. тпл. 1883.)

Главный интересъ названнаго сборника заключается въ автобіографіи А. Д. Михай-

*) Последніе два см. въ 52 и 53 №№ «В. С». (Ред.)

лова и въ «Воспоминаніяхъ» о немъ же. Изъ предисловія «отъ издателей» мы узнаемъ о нѣсколькихъ странномъ происхожденіи автобіографіи А. Д. М.: редакція «Нар. Воли» обратилась къ разнымъ лицамъ, имѣвшимъ все шансы попасть на каторгу или на висѣлицу, съ просьбой составить хотя бы самыя краткія замѣтки... чтобы оставить извѣстія о людяхъ, которыми «интересуется въ данный моментъ вся читающая Россія». Мих., одинъ изъ немногихъ, отнесся серьезно къ этой просьбѣ, результатомъ чего мы имѣемъ его, поучительныя во многихъ отношеніяхъ, автобіографическія замѣтки. Мих., пріѣхавъ юношей въ СПБ., скоро попадаетъ въ кружокъ народниковъ и здѣсь онъ начинаетъ примѣнять свои «организаторскія» способности. Въ чемъ собственно онѣ состояли, мы не видимъ ни изъ автобіографическихъ замѣтокъ, ни изъ «Воспоминаній»; но, взамѣвъ этого, въ этихъ двухъ статьяхъ отведено непропорціонально большое мѣсто для изображенія Михайлова, какъ конспиратора-педагога. Подвергаясь насмѣшкамъ и даже оскорбленіямъ со стороны товарищей, М. положилъ все свои силы на борьбу противъ «широкой русской натуры», «неосмотрительно-сти», мѣшавшихъ, по его мнѣнію, организаціи. Онъ обязалъ своихъ товарищей принять цѣлую систему сигналовъ и знаковъ (подчасъ даже смѣшныхъ), слѣдилъ за безопасностью конспиративныхъ квартиръ и проч. Вотъ эту-то его мелкую конспираторскую дѣятельность, намъ кажется, и смѣшиваетъ онъ самъ и авторъ «Воспоминаній» съ организаціонной. Въ той же организаціи, въ которой онъ состоялъ, въ кружкѣ народниковъ, онъ проявилъ себя, какъ сторонникъ крайней централизаціи, за что сперва его «клеимыли» якобышцемъ, генераломъ, диктаторомъ и пр., а послѣ приняли всецѣло его центр. программу, главный принципъ которой былъ полное и безусловное подчиненіе личности «волѣ кружка» и такое же подчиненіе второстепенныхъ группъ главному петербургскому кружку народниковъ. Здѣсь нужно отдать справедливость М.—ву въ томъ, что онъ составлялъ эту программу не какъ диктаторъ, для котораго никакіе законы не писаны: и на себя онъ испыталъ всю тяжесть принципа отреченія отъ индивидуальной воли. Лишь только, поселившись близъ Саратова, онъ ознакомился съ раскольниковой средой, изучилъ ея духъ, ея ритуалы, лишь только онъ призналъ себя способнымъ вести въ ней пропаганду, къ чему онъ чувствовалъ особую склонность, — кружокъ-начальство вызываетъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ завертывается въ бѣлнчьемъ колесѣ столпной «революціи», чтобы, въ концѣ концовъ, понасться въ ребяческую ловушку, поставленную ему жандармеріей у фотографа, которому онъ заказалъ сдѣлать карточки своихъ казенныхъ товарищей.

Интересная корреспонденція «изъ Одессы» посвящена описанію инквизиторской дѣятельности Стрѣльникова на Югѣ и его убійства въ Одессѣ. Дикая ревность Торквемады Юга Россіи въ выхватываніи изъ общества «нравственныхъ деспотизму», его замашки палача и грубое звѣрство по отношенію къ лицамъ, попадавшимъ въ его лапы, его издѣательства надъ арестованными — «студен-

тами, рабочими, частными лицами, отцами и матерями семейств и молодежью обоого пола, часто не вышедшему еще из детского «возраста» — все это имело последствием то, что известие о его убийстве 18 марта прошлого года «было встречено в Одессе с худо скрытой, почти всеобщей радостью». Сам Гурко, против дворца которого Стр. был убит, не нашел ничего лучшего сказать, узнавши об убийстве, как — «какие безпорядки»!...

Содержание статьи «На Каръ» известно уже читателям «В. Сл.» по письмам из Кары, напечатанным у нас в №№ 48 и 51, равно как известна и фактическая сторона прокламации «к русским людям» одесских «социалистов-революционеров» о «голом бунте политических заключенных в одесской тюрьме» (№ 54). Наконец, чтобы не пропустить ни одной статьи сборника «На Родине», упомянем о замѣткѣ г. Лопатина, в которой он рекомендует читателям нового начальника сильно-каторжных на Сахалине, полк. Соловьева, как «палача его амого.»

Л. Б.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Из Петербургскаго политическаго процесса. Въ исполнение к сообщенному в прошлом №-рѣ, приводимъ слѣдующія данныя изъ «Indép. Belge»: «Теллаловъ защищался безъ адвоката. Онъ признаетъ себя безъ оговорокъ членомъ партіи «Народной Воли» и гордится этимъ. Члены этой партіи наполняютъ государственныя тюрьмы и сибирскіе рудники, члены этой партіи отдали свою жизнь, чтобы приобрести для своего несчастнаго отечества блага, которыми давно пользуется остальная Европа: свободу совѣсти, свободу мысли, свободу слова. «Лгутъ и клеветаютъ на насъ тѣ, кто считаетъ насъ убійцами! Наша цѣль не убійство, но свобода для счастья угнетеннаго народа!»

Рѣчь Теллалова, въ которой обнаружился прекрасный и умный ораторъ, произвела большое впечатленіе на слушателей.

«Въ «последнихъ словахъ», — которыя не всѣ подсудимые захотѣли произнести, — Стефановичъ поблагодарилъ своего адвоката (Кедрина) за то, что тотъ старался уменьшить его вину (адвокатъ говорилъ, между прочимъ, что Стефановичъ удержалъ чигиринскихъ крестьянъ отъ безпорядковъ, какіе бывають обыкновенно при кр. бунтахъ); какъ честный человѣкъ, С—чъ долженъ отклонить всѣ смягчающія обстоятельства и признать себя столь же виновнымъ, какъ и его товарищи. Затопольскій торжественно объявилъ, что члены русской револ. партіи не убійцы, но борцы за свободу. «Мы хотимъ, сказалъ онъ, конституціи, которая одна можетъ поднять несчастный народъ и избавить его отъ развращенныхъ чиновниковъ». Для достиженія этой цѣли онъ считаетъ всѣ средства позволенными и не отступать передъ убійствомъ царя.

Лисовская признаетъ свое участіе въ попыткѣ ограбить казначейство въ Кишиневѣ, но не видитъ въ этомъ преступленія, такъ какъ деньги въ казначействѣ народныя, и

если бы попытка увѣнчалась успѣхомъ, то деньги эти были бы употреблены исключительно на великое дѣло освобожденія народа.

«Прибылова проситъ наказать ее равно съ ея мужемъ.

«Грачевскій утверждаетъ, что дѣйствовали, какъ патриотъ, который любитъ свою страну и согражданъ; онъ проситъ судъ принять во вниманіе, что онъ — главный виновникъ, пощадить его сообщниковъ и казнить его одного».

Передавая о приговорѣ суда, корреспондентъ бельгійской газеты говоритъ отъ себя: «Увѣряютъ, что судъ затѣмъ только произнесъ столь суровыя кары, чтобы дать императору хорошій случай помилованія. Я удержусь отъ оцѣнки этого предположенія, мало лестнаго для русской судебной системы, — и скажу только, что каторжная работа въ Россіи для политическихъ преступниковъ ничѣмъ не похожа на наказанія этого имени въ Европѣ.

«Политическій каторжный въ Россіи не дѣлаетъ никакихъ работъ, а проводитъ время въ полной праздности; онъ не имѣетъ чего читать, кромѣ евангелія; даже тюремщикъ не можетъ говорить съ нимъ, а за малѣйшее непослушаніе на него надѣваютъ смиренную рубашу. Только разъ въ мѣсяцъ ему позволяютъ прогулку въ $\frac{1}{4}$ часа.... Нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ такого рода приводятъ къ вѣрной смерти или полному уничтоженію всѣхъ способностей.

«Еще два слова о процессѣ и о впечатлѣніи, какое онъ произвелъ на присутствующихъ.

«Подсудимые произвели глубокое впечатлѣніе честнымъ и достойнымъ поведеніемъ, возвышенностью своихъ идей и успіями, какія они дѣлали для того, чтобы пожертвовать собою другъ для друга... Не прибѣгая къ отыскиваніямъ и хитростямъ, они отклонили защиту своихъ адвокатовъ, благодаря ихъ за усердіе. Нужно сказать, что это очень необыкновенные преступники!

«Въ двухъ словахъ можно свести ихъ заявленія въ теченіе преній такъ: «Напрасно считаютъ насъ анархистами и нигилистами, — которые не имѣютъ политической программы, а имѣютъ цѣлью только убивать и все разрушать. Ни чутъ не было. Мы монархисты, но мы желаемъ монарха конституціоннаго, а не деспота. Мы сирапиваемъ: по какому праву запрещаютъ намъ думать и говорить свободно, по какому праву деспотизмъ царствуетъ въ Россіи? Онъ не имѣетъ за собою иного права — кромѣ права сильного».

«Будущее покажетъ намъ, кто изъ двухъ сильнѣе: деспотизмъ или терроризмъ».

Какъ воспользовался императоръ «хорошимъ случаемъ помплованія» известно изъ денетъ: Богдановичъ повѣшенъ, а Вуцевичъ — расстрѣлянъ!!

Г. Судейкинъ явился въ Кіевъ и производить многочисленные аресты.

Глупые! 16 Апрѣля львовскій судъ арестовалъ 57 № «Вольнаго Слова» (у котораго еще въ прошломъ году отнято въ Австріи право ~~печатать~~ по почтѣ, вслѣдъ за корреспонденціей изъ Жене и вѣ въ «Poster Lloyd», сообщавшей о враздѣбности «этого органа гр. Игнатъева» къ цѣлости Австріи) — за статью «Начало новаго политико-соціального движенія въ Венгріи». Въ статьѣ усмотрѣно «нарушеніе общественнаго спокойствія и порядка».

Изъ «Przedświta» № 16. Въ 58 №-рѣ мы упомянули, при случаѣ, о постановкѣ польскими социалистами группы «Równosci» во время парламентскихъ выборовъ 1881 г. въ Познань кандидатуры Бебеля. Объ этомъ въ свое время были известія въ разныхъ нѣмецкихъ и польскихъ газетахъ, а недавно въ варшавскомъ сборникѣ «Ognisko». Теперь «Przedświt» говоритъ, будто это «известіе основано на конспиративныхъ докладахъ», и «чтобы вывести «Вольное Слово» изъ заблужденія, сообщаетъ: «1) что на прокламации было напечатано имя Бебеля, такъ какъ мы, (?) печатали его, еще не знали распределенія кандидатуръ. При употребленіи этой прокламации, въ случаѣ вѣдливости, на мѣсто Бебеля могло быть наклеено имя другаго кандидата, 2) мы (?) цѣлкомъ не принимали никакого участія въ познанской избирательной акціи 1881 г., такъ какъ все изданіе прокламации (за исключеніемъ какой нибудь сотни экземпляровъ) было утеряно при тайномъ перевѣзѣ черезъ границу!!!» (2 пунктъ напечатанъ курсивомъ). — Мы считаемъ долгомъ перепечатать эти конспиративныя «Przedświta», хотя и не понимаемъ: въ какомъ собственно заблужденіи могутъ онѣ вывести насъ и нашихъ читателей? — Въ томъ же №-рѣ «Przedświt», отзываясь (неодобрительно) о замѣчаніяхъ, какія мы сдѣлали въ 59 №-рѣ на соображенія его корреспондента относительно полезности для соціального движенія студенческихъ волненій съ ихъ молодыми жертвами, названная газета говоритъ объ этихъ соображеніяхъ, какъ о славныхъ, т. е. раздѣляемыхъ и редакціей, и группой, которую она представляетъ. О послѣднемъ обстоятельстве (для насъ неожиданнымъ, судя по прежнимъ словамъ «Pr—ta», вызвавшимъ замѣчаніе его корреспондента) мы очень жалѣемъ, равно какъ и о крайне бравадой передовой стаѣ 16 №-ра «Pr—ta», — правда, написанной по поводу безграмотной и мѣстами ошибочной статьи «Pracu» о Маркѣ. По нашему мнѣнію, обѣимъ газетамъ вѣсто того, чтобы заводить между собою войну «лаговыми» нападеными, слѣдовало бы прямо и откровенно объяснить относительно плановъ организаціи въ Галиціи рабочей партіи изъ горожанъ, какъ и поляковъ, какъ и евреевъ и русскихъ. Тогда, если бы даже послѣ объясненій и не послѣдовало соглашенія (при малѣйшей доброй волѣ весьма легкаго!), то по крайней мѣрѣ публики не занимала бы, изъ за чего собственно люди другъ на друга сердятся.

Отвѣтъ редактора Нозацкому Потону въ О. Исландіи. Ваши деньги получены въ М., но такъ утеряны. Последняя записка Ваша передана мнѣ, почему-то черезъ третью руку, открывавшую послѣ долгаго срока. Адресомъ болѣе не пользуюсь.

Редакторъ М. Драгомановъ.

Genève. Imprimerie de la Parole libre chemin Dancet. 15